

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРОВИНЦІА.

Что такое бѣдные третьяго сорта въ юр. Тотьмъ? — Специальность занятій этого нищаго люда. — Заработная плата и образъ пражбанія ея. — Общій уровень женскаго труда. — Бѣдные четвертаго сорта. — Занятія и образъ жизни этого класса: одежда и пѣда. — Морковь, какъ мѣкомство тотемскаго прекраснаго пола. — Гастрономическая и кулинарная изобрѣтательность Тотьмъ. — Всеобщія косность и тупость населенія. — Прожиточные. — Происхожденіе этого класса. — Экономическая ея неподвижность. — Вліяніе чиновничьяго лоска на прожиточныхъ и обратно — вліяніе ихъ на другіе нишіе слои. — Образъ жизни прожиточной дѣвицы. — Что такое провинціальная амбиція? — Значеніе женскаго труда въ мѣщанскомъ сословіи. — Образованные Тотьмъ. — Сколько ихъ и въ чемъ состоитъ это образованіе?

V.

БѢДНЫЕ ТРЕТЬЯГО СОРТА.

Бѣдные третьяго сорта по достатку мало чѣмъ отличаются отъ нищихъ. Будетъ правильнѣе сказать, что они отъ нихъ совсѣмъ не отличаются. Къ этой категоріи принадлежатъ почти исключительно старухи, нѣбюдящія взрослыхъ дочерей. Людямъ этимъ трудно жить, потому что женскій трудъ и старухъ, и молодыхъ вознаграждается

въ Тотъмъ самымъ жалкимъ образомъ. Приведу примѣръ. Вотъ мать 67 лѣтъ и дочь, дѣвушка 21 года. Старуха еще довольно бойкая и расторопная не по лѣтанъ; но въ дочери замѣтна преждевременная старость. Ее состарилъ слишкомъ ранній, усиленный трудъ, потому что нужда заставила ее еще десятилѣтней дѣвочкой исполнять работу взрослыхъ. Мать и дочь живутъ вмѣстѣ на квартирѣ; за пашъ ей онѣ ничего не платятъ, но отапливаютъ домъ пополамъ съ хозяйкой. Это составитъ въ мѣсяцъ копѣекъ тринадцать, и вотъ по какому расчету. Лѣтомъ отопленіе не стоитъ ничего, кроми труда, потому что старуха собираетъ на постройкахъ, и гдѣ случится, щепочки и чурки. Случается, что Богъ пошлетъ и топлякъ, т. е. утоцувшія сплавныя дрова, оставшіяся на берегу послѣ убыли воды. Про описываемую старуху я ничего незнаю, но другія дѣла начались, что пашъ случается согрѣшить и воровствомъ. Но бѣдный не обидитъ бѣднаго: крадутся дрова, принадлежація первому тотемскому богачу, купцу Кокореву, живущему подлѣ города солягынъ варницы. Кража эта совершается, впрочемъ, въ формѣ невозможнаго невинной, безъ насилія и грубостей: старушонка заберется на берегъ, гдѣ стоятъ дрова, слязѣтъ три-четыре полѣна и улепетываетъ, чтобы ее никто не замѣтилъ. Зимой описываемая старуха старается продовольствоваться тоже по преимуществу щепочками и чурками; но какъ тѣхъ и другихъ зимой бываетъ мало, поэтому что, за исключеніемъ кабаковъ, другихъ построекъ не производится, то приходится, по необходимости, покупать дрова. Дрова покупаются, конечно, самыя дешовенькія, по 15 к. за возъ, и два воза достаютъ на три недѣли. Слѣдовательно, по расчету зимнихъ мѣсяцевъ, старуха истратила въ годъ 4 р. 60 к. или 13 ¹/₃ к. въ мѣсяцъ. Если сосчитать весь трудъ, употребленный на собираніе щепочекъ и разныя мелочныя услуги, оказываемыя старухой и ея дочерью хозяйкѣ дома, то, вѣроятно, квартира обойдется имъ не дешевле 25 копѣекъ. Но едва ли весь этотъ дополнительный трудъ правильно переводится на деньги; если въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ время считается деньгами, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы и въ Тотъмъ могли существовать подобныя же экономическія принципы. Время, какъ экономическая величина, здѣсь — нѣчто совсѣмъ особенное, и его нельзя измѣрять никакимъ масштабомъ, кромѣ тотемскаго. Впрочемъ, полагаю, что утѣсы-солягынъ и возльвыгодскій масштабы должны быть того же размѣра. Чтобы

времени было дешево, нужно, чтобы каждую минуту можно было произвести что нибудь полезное въ обществѣ на другое полезное. Но что же полезное можетъ произвести тотемскій житель каждую минуту, въ особенности, если этотъ житель—старая баба? Она не пашетъ, не жнетъ, не шьетъ сапоговъ и платья, однимъ словомъ, не дѣлаетъ ничего такого, что дѣлаютъ въ другихъ мѣстахъ мужчины и даже женщины. Баба умѣетъ здѣсь только мыть полы и обнаруживать при этомъ особенный талантъ въ обращеніи съ полами покрашенными. Главнѣйшая сущность этого дѣла заключается въ томъ, чтобы посыпать мокрый вѣнчикъ крупнымъ пескомъ (дресвой) и затѣмъ тереть полъ, на сколько хватитъ силы и усердія. Полъ, выскобленный такимъ инструментомъ, получаетъ дѣйствительно необычайную бѣлизну, потому что здѣсь совершается, нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, процессъ струганья, и доски изъ старыхъ превращаются въ новыя. Дѣло, конечно, не ограничивается однимъ струганьемъ; послѣ тренія дресвой, производится всполаскиванье чистой водой и сушка половиками. Чтобы вымытъ по этому способу этажъ въ двадцать пять квадратныхъ сажень (пять сажень длины, пять ширины), сѣни и лѣстницу, нужно трудиться съ 8 часовъ утра до 3—4 послѣ обѣда, почти не переставая. Коротенькій отдыхъ достается на завтракъ и на обѣдъ. Сплошной работы можно считать отъ шести до семи часовъ. И за подобное упражненіе, при которомъ тратится мускульнаго труда не менѣе, чѣмъ за то же время у пильщика, платится отъ 10 до 15 копѣекъ. Десять копѣекъ—плата обыкновенная, а 15—не то, чтобы роскошь, а во всякомъ случаѣ, баловство, портящее только цѣну. Изъ этого оказывается, что за часъ непрерывнаго труда платится отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 копѣекъ, или за минуту отъ 0,025 до 0,033 копѣйки: величины совершенно ничтожныя; а это еще одно изъ выгоднѣйшихъ занятій! Пильщикъ въ то же время получаетъ 60 к. т. е. его трудъ въ шесть разъ прибыльнѣе, хотя потеря силъ одинакова. Конечно, если бы мытье половъ производилось каждый день, то жить бы еще можно; но этотъ прибыльной для тотемскаго прекраснаго пола трудъ составляетъ рѣдкость, какъ всѣ прибыльные занятія. Въ Тотемѣ можно считать, по меньшей мѣрѣ, двѣсти женщинъ, которыя охотно пошли бы мыть полы, но ихъ похвальное стремленіе къ трудолюбію не можетъ найти удовлетворенія по недостатку половъ. Въ большей части домовъ, полы мыются прислугой или самими хо-

заволами. Поломокъ приглашаютъ или холостые, или бѣдные женской прислуги, или прожиточный мѣщанинъ, дочери котораго, по деликатности своего воспитанія, сидятъ больше сложа руки, или же изрѣдка мѣстная знать. Во всякомъ случаѣ, число домоховъ, куда зовутъ поломокъ, составляетъ не болѣе 50, да и въ нихъ производится мытье равъ въ мѣсяцъ или рѣже. Такимъ образомъ, нѣтъ двухсотъ желающихъ могутъ быть приглашены на мытье поломовъ въ мѣсяцъ только пятьдесятъ, или каждой пришлось бы идти одинъ разъ въ четыре мѣсяца. Но какъ каждый домъ имѣетъ своихъ постоянныхъ поломокъ, то очевидно, что только пятьдесятъ изъ нихъ имѣютъ постоянную практику, а остальнымъ ста пятидесяти можетъ выпасть эта работа только случайно. Общій выводъ тотъ, что счастливица, которой фортуна полагаетъ благопріятствуетъ неслыханнымъ образомъ, пославъ ей въ мѣсяцъ два мытья, получить въ годъ около 3 рублей, для чего ей необходимо 26 рабочихъ дней; затѣмъ остается еще 339 дней, въ которые нужно заняться тоже чѣмъ нибудь, чтобы не умереть съ голоду.

Бѣдныхъ людей, обыкновенно, укоряютъ въ томъ, что они любятъ веселиться; но это больше ничего, какъ остроумная выдумка людей богатыхъ: бѣдные веселятся гораздо меньше, чѣмъ тѣ, кому живется хорошо. Если читатель обратитъ вниманіе на количество неясно-свѣтскихъ баловъ, которое сочинить каждую зиму Парижъ, Лондонъ, Петербургъ, приложить къ этому всѣ маскарады, театры, рауты, пикники, концерты, катанья и т. д. и затѣмъ въ параллель съ этой утонченной и изящной веселостію поставить скромное восприсное празднчанье простолюдина, которое въ сущности не больше, какъ отдыхъ или пьяное празднчанье въ годовые праздники, продолжающееся всего три дня, а много недѣлю, — то окажется, что у простолюдина, противъ всѣхъ баловъ, театровъ, маскарадовъ, пикниковъ, концертовъ и другихъ увеселеній образованныхъ людей, всего только отъ одного до трехъ годовыхъ праздниковъ или отъ трехъ до девяти гуляющихъ дней въ годъ. Я знаю, что нѣтъ возражать, что мастеровые пьянствуютъ по три дня въ недѣлю; но я говорю здѣсь не объ испорченномъ ремесленномъ населеніи большихъ городовъ; оно составляетъ совершенно ничтожную величину въ общей массѣ всего остального простонародья. То же простонародье, о которомъ я говорю; праздничаетъ мало, потому что если при его теперешнемъ трудѣ ему живется въ обрѣзъ, то при равномѣрномъ празднчаньи съ

великосвѣтскими людьми ему пришлось бы голодать. Каждый веселится на столько, на сколько позволяютъ ему средства, и столько пѣтеть прогульныхъ дней, сколько опредѣляется размѣромъ его заработка и уровнемъ потребностей. Поэтому, богачъ, имѣющій для завѣдыванія своими многочисленными фабриками, заводами и имѣніями—управляющихъ и прикащиковъ, можетъ преблагополучнымъ образомъ посвящать свое время влугу, баламъ и маскерадамъ, удѣляя дѣлу три-четыре дня въ году. Но тотъ, кто долженъ добыть всѣ средства существованія своимъ личнымъ трудомъ, уже никакъ не можетъ посвятить дѣлу въ годъ три-четыре дня. Ему, напротивъ, позволяется столько дней прогулять, а все остальное время онъ долженъ работать. При хорошо вознагражденномъ трудѣ, время, посвящаемое прогулу, можетъ быть, конечно, болѣе; точно такъ же, какъ болѣе можетъ гулять тотъ, чей трудъ хотя вознагражденъ и не особенно хорошо, но у кого низокъ уровень потребностей, напримѣръ, какъ у петербургскихъ мастеровыхъ. Но если трудъ вознагражденъ слабо и на бѣду еще не достаетъ нищи для экономической дѣятельности человека, то у такихъ людей, во-первыхъ, не на что праздновать; а во-вторыхъ, приходится или сидѣть иногда безъ работы, или же затрачивать много времени, чтобы получить мало выгоды. Въ этомъ положеніи находятся тотемскіе жители, и въ особенности здѣшнія женщины.

У счастливицы, для которой мытье половъ составляетъ такую прибыльную практику, какъ я принялъ выше, изъ 339 дней, оставшихся свободнымъ, должны быть посвящены праздникамъ обязательно дней восемьдесятъ, т. е. всѣ воскресенья, пасха, рождество, масленица и затѣмъ храмовые праздники; приложивъ къ этому праздники чрезвычайные, напр. свадьбы, выйдетъ въ годъ прогульныхъ дней около ста. Затѣмъ остается 229 дней рабочихъ. Эти дни каждая женщина посвятила бы занятію наиболѣе прибыльному; а самое прибыльное занятіе въ Тотмѣ есть мытье половъ. Читатель, конечно, изумляется, что мытье половъ или подещина стирки бѣлья могутъ, по прибыльности своей, стоять на первомъ планѣ; но многоуважаемый читатель, забудьте, что вы живете въ Лондонѣ, въ Парижѣ или въ Петербургѣ. Ваши понятія о размѣрѣ прибыльности мускульнаго труда, превосходныя для столицъ и промышленныхъ центровъ, окажутся очень наивными, если вы заберетесь въ какое нибудь безмятежное захолустье. И въ захолустіи люди пьютъ и ѣдятъ, и въ за-

холустым они шевелятъ мозгами и производятъ руками и ногами различныя тѣлодвиженія, направленныя по преимуществу къ экономической цѣли. Но результаты всѣхъ этихъ шевеленій совсѣмъ иного разнѣбра: лошади нормандской породы возятъ по французскимъ шоссе тяжести баснословнаго размѣра; но та же самая лошадь по зырянской дорогѣ провезетъ едва десятую часть. Тутъ мы еще предположимъ лошадей одной породы; а что провезетъ по зырянской дорогѣ зырянская лошадь?—И такъ, въ Тотмѣ считается самымъ прибыльнымъ занятіемъ то, что въ Петербургѣ вдетъ за трудъ наиболѣе чернорабочій и наименѣе выгодный. Но какъ и этотъ наимыгоднѣйшій трудъ, доставляющій человѣку въ день десять копѣтъ, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, можетъ представляться только въ теченіи 26 дней въ году, то въ остальные 229 приходится удовольствоваться заработкомъ менѣе выгоднымъ.

Старушка, о которой здѣсь вдетъ рѣчь, не можетъ, къ сожалѣнію, заняться наиболѣе выгоднымъ тотемскимъ трудомъ, потому что при немъ требуются упражненія, превышающія силы 67 лѣтнаго человѣка. Поэтому, мытьемъ половъ занимается у нея только дочь, а сама мать добываетъ деньги слѣдующимъ образомъ. Она носитъ воду секретарю какого-то присутственнаго мѣста и получаетъ за это 1 р. 20 к. ассигнаціями въ мѣсяцъ (здѣсь простые люди, а особенно старухи считаютъ все еще на ассигнаціи). А что значить носить въ Тотмѣ воду и получать за это 1 р. 20 к., читатель увидитъ сейчасъ. Нужно каждый день, навѣсивъ на коромысло два ведра, отправиться съ ними на р. Сухону; среднее разстояніе туда и обратно составляетъ около двухъ верстъ, причемъ приходится одолѣвать очень крутой береговой подъемъ. Чтобы выгодность этого труда опредѣлилась яснѣе, я приведу его къ самой простѣйшей формѣ разчета. Всѣхъ ведра воды фунтовъ въ двадцать, значить, въ двухъ — пудъ. Въ теченіе мѣсяца будетъ принесено 60 ведедь или 30 пудовъ. Для того, чтобы ихъ принести, нужно пройти 30 верстъ безъ тяжести и 30 верстъ съ грузомъ. Такимъ образомъ, за 60 верстъ ходьбы, и въ томъ числѣ 30 съ тяжестью въ одинъ пудъ, платится 1 р. 20 к. ас. Но эти 1 р. 20 к.—плата выше дѣйствительной; собственно за носку воды платится 30 в., а остальные 90 старуха получаетъ, чтобы заносить каждый день въ комнаты дровъ и ходить на рѣку полоскать бѣлье. Конечно, плата нероскошная, потому что въ день придется всего 1 $\frac{1}{4}$ коп. сер.; но старуха доволь-

на и тѣмъ; во-первыхъ потому, что никто не дастъ больше; а во-вторыхъ, что жена секретаря благодарственствуетъ изрѣдка, — то дастъ пирожекъ, то къ празднику гривенникъ. — Имѣютъ старуха и другой домъ, куда носить воду; но какъ тамъ она не носитъ дровъ и не полощетъ бѣлья, то и получаетъ въ мѣсяцъ только 30 к. Но и тутъ благодѣтели не покидаютъ старуху: къ рождеству хозяинъ подарилъ ей двугривенный. Дочь тоже носитъ воду и, выйдя съ мыломъ половъ, достанетъ въ мѣсяцъ около 90 к. Такимъ образомъ, денежный доходъ семьи составитъ въ мѣсяцъ рубля полтора.

Но за мытьемъ половъ и ноской воды остается еще много свободнаго времени; оно тоже реализуется въ деньги, но эта реализація еще менѣе выгодна. Тотъ же валяетъ чулки и продаетъ нитки. Зимой готовится пряжа и нитки, а чулки вяжутся лѣтомъ. Причина такого распределенія занятій въ томъ, что лѣтомъ со льномъ дѣлать нечего: онъ растетъ еще въ полѣ; осенью его выдергиваютъ, мочутъ, треплютъ и вообще готовятъ къ дѣлу, а въ издѣлія онъ превращается во время лѣтняго досуда. Если мытье половъ и носка воды составляютъ самое прибыльное занятіе, то конечно, воображеніе столичнаго человѣка должно придти въ смущеніе отъ трудности разрѣшенія вопроса: — что же должны давать занятія менѣе выгодныя? — То, что услышите теперь отъ менаджеръ, конечно, могло бы показаться неправдоподобнымъ, если бы оно не было дѣйствительно и не подтверждалось фактами. Здѣшнія женщины готовятъ нитки и носки или изъ своего льна, покупающаго у крестьянъ или у мѣщанъ, или же обрабатываютъ чужой матеріалъ; т. е. получаютъ заказы и сырье отъ купцовъ. Последняя форма производства гораздо удобнѣе для опредѣленія степени доходности труда, и потому я буду говорить только объ ней. — За приготовленіе клубка нитокъ на носки платится одна копейка, и въ день можно приготовить 4 клубка, следовательно, заработать 4 копейки серебромъ. Работа эта заключается собственно въ сученіи. За приготовленіе на мотовилѣ пряжи для тканья платится за 40 восьмидесятихъ нитокъ или за 720 аршинъ 1 копейку; въ неделю можно приготовить 10 такихъ нитокъ и получить за нихъ, следовательно, 10 копѣекъ. За пару носковъ изъ готоваго матеріала платится 6 копѣекъ; пару можно связать въ два дня и заработать поэтому въ день 3 копейки; но есть такіе искусники изъ старухъ — Впрочемъ чрезвычайно рѣдко, — которыя вяжутъ въ день дѣловую пару

и за такую гениальность награждаются 6 коп. Чтобы приобрести та-
ких удивительных богатств, нужно работать целый день съ утра до
вечера. Тѣ же изъ достойныхъ удивленія тотемскихъ Пенелопъ, кото-
рымъ средства позволяютъ купить рубля на 2—3 льну, занимаются
сами всѣми разнообразными процессами для приведенія его въ со-
стояніе нитокъ и чулковъ. Усердная и состоятельная старуха свя-
жетъ въ лѣто не болѣе 30 паръ и продастъ пару отъ 18—20 к.,
причемъ чистая прибыль составитъ немного болѣе 2 руб. сер.
Для приобретения такого богатства, нужно проработать почти всю
зиму и половину лѣта. Изъ всего этого слѣдуетъ слѣдующій срав-
нительный выводъ степени выгоды видѣшняго женскаго труда:

Мытье половъ даетъ отъ 10 до 15 к. въ день или отъ 0,025
до 0,033 въ минуту дѣйствительнаго труда.

Носка воды даетъ въ часъ 1 к. сер. или въ минуту 0,016 коп.

Сученіе нитокъ на чулки даетъ въ часъ 0,4 коп. или въ мину-
ту 0,007 коп.

Приготовленіе на мотовилѣ пряжи—въ недѣлю 10 к., въ часъ
0,16 коп. въ минуту 0,004 коп.

Вязанье чулковъ—въ часъ 0,3 коп., въ минуту 0,005 копѣйки.

Такихъ образомъ, самымъ выгоднымъ занятіемъ оказывается опять-
таки мытье половъ, и не потому собственно, чтобы оно приносило
въ минуту 0,025 к., а потому что, кромѣ этого дѣйствительно
огромнаго заработка, полomoйка получаетъ отъ хозяевъ завтракъ и
обѣдъ. Всѣ остальные занятія производятся работницами на своемъ
хлѣбѣ. Носка воды хотя по денежной выгодѣ занимаетъ и второе
мѣсто послѣ мытья половъ, но имѣетъ много своихъ неудобствъ:
нужно работать на воздухѣ, не смотря ни на какую погоду, — ни
на дождь, ни на снѣгъ, ни на вьюгу и метель. Что бы ни происхо-
дило на дворѣ, хотя бы землетрясеніе, а за водой идти надо не-
прекѣнно. Работа эта портитъ болѣе другихъ платье и обувь. По-
всѣмъ этимъ причинамъ ношеніе воды считается одной изъ послѣд-
нихъ работъ и занимаются ею только самые бѣдные люди.

Совсѣмъ другое — сученіе нитокъ и вязанье чулковъ. Дѣло это боль-
ше всего въ женскомъ характерѣ: нужно сидѣть на мѣстѣ и про-
изводить миллионы разъ сряду однѣ и тѣ же движенія, способные
почтенныхъ Пенелопъ довести до полнаго оупынія, если бы онѣ
ни не владѣли уже прежде. Въ то время, какъ отиркой половъ и
доской воды занимаются самые бѣдные люди, настоящіе мѣщанскіе

поддонки, — сученьемъ нитокъ и вязаньемъ не гнушается не только мѣщанская аристократія, но даже и женщины изъ купечества. Вообще, это дѣло хорошее, потому что имъ можно заниматься, сидя въ четырехъ стѣнахъ, слѣдовательно, сохранять вполне не только всѣ семейныя добродѣтели, которыми рискуютъ женщины, работающія внѣ дома, но даже и не омрачать своей репутаціи, которая для тотемскихъ жителей составляетъ главнѣйшую сущность жизни. Такимъ образомъ, если сученье нитокъ даетъ всего выгоды 0,007 коп. въ минуту, за то сберегаетъ башмаки и добрую славу, и во всякомъ случаѣ, по экономическимъ понятіямъ здѣшнихъ мѣщанъ, принадлежитъ къ труду честному и благородному. Въ этомъ отношеніи тотемцы до сихъ поръ пребываютъ въ понятіяхъ временъ древняго міра, и здѣшняя мѣщанская аристократія не знаетъ болѣе великаго наслажденія, какъ проводить время въ праздности или заниматься деликатными работами, какъ вышиванье гладью, вышиванье иѣтокъ на бѣльѣ — и конечно, на бѣльѣ деликатнаго свойства, напримѣръ, на посовыхъ платкахъ, — а не на томъ сортѣ мужского бѣлья, которое и, изъ уваженія къ своимъ провинціальнымъ читательницамъ, назову кальсонами.

Но деликатныя понятія, имѣющія право жить только въ деликатныхъ головахъ дѣвицъ изъ мѣщанской аристократіи, не могутъ существовать въ головахъ бѣдныхъ третьяго сорта, потому что съ такой деликатностью не мудрено подвергнуться непріятности голодной смерти. Поэтому, бѣдные люди считаютъ равно почтеннымъ всякій трудъ, дающій пищу ихъ пустымъ желудкамъ. Къ сожалѣнію, такой благородный образъ мыслей вознагражденъ недостаточно, и, не смотря на полное желаніе бѣдняковъ работать, они иногда, по необходимости, должны сидѣть сложа руки. Напримѣръ, мытье половъ — дѣло очень выгодное, и каждая женщина согласилась бы охотно заниматься имъ каждый день, потому что, кромѣ 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, она имѣла бы еще готовый и плотный завтракъ и обѣдъ. То же самое и относительно пряжи, нитокъ и чулокъ. Но какъ въ городѣ имѣется только точно опредѣленное число помоекъ, несоответствующее числу желающихъ отскоблить ихъ вѣвникомъ съ дресвой, такъ точно на свѣтѣ существуетъ извѣстное число лицъ, нуждающихся въ тотемскихъ чулкахъ. Удовлѣворить всѣхъ этихъ жаждущихъ очень не трудно, такъ что затѣмъ остается у тотемскихъ Пенелопъ еще свободное время, которое оказывается совершенно не-

возможнымъ превратить въ деньги, — будь это хоть одна дециллионная часть копѣйки. Вотъ много-то досугъ моя 67-лѣтняя старушка и посвящаетъ услугамъ своей домашней хозяйки и даже своимъ знакомымъ. Трудъ этотъ не оцѣнивается на деньги, но онъ вознаграждается нѣсколько угощеніемъ чаемъ, какими нибудь пирожкомъ (только не думайте, что съ начинкой: русскій человѣкъ изобрѣлъ особенный родъ пироговъ, называемыхъ съ «нѣтомъ») или даже просто ласковымъ словомъ и обѣщаніемъ угостить чаемъ когда нибудь, со временемъ.

Выше я сказалъ, что моя старушка съ дочкой добываютъ въ мѣсяцъ деньгами рубля полтора. Чулки и нитки дадутъ имъ въ годъ не болѣе 3 руб. Значитъ, весь ихъ годовой доходъ будетъ рублей двадцать съ небольшимъ. Кажется, жить совершенно невозможно, а люди не только живутъ, а еще и пьютъ чай, разумеется, не такъ, какъ мы съ вами, читатели. Такое чудо совершается слѣдующимъ образомъ. На мой вопросъ: «пьешь ли ты, бабушка, чай?» Старушка отвѣтила: «чай пью; какъ похому — рада и чайну; въ нашемъ дѣлѣ безъ него мелезя: имъ только и отогрѣшься». — И затѣмъ объяснила, что она покупаетъ чаю и сахару сразу не болѣе, какъ на 10 к. ассигнаціями, т. е. чаю золотникъ — на 2 к. сер., а сахару на 4 к.: «на день на двухъ и будетъ». И всѣ остальные предметы покупаются точно такъ же по мелочи, и потому, разумеется, обходятся гораздо дороже. «Какъ пароботаю, то и чуплю на 9 м. 5 фунтовъ ржаной муки, а какъ побольше, то и дешевле», сказала бабушка и затѣмъ прибавила: «Вотъ работаешь, гдѣ пирожокъ, гдѣ что, а не достанешь — и попрошу: я вѣдь не стыжусь». Этимъ способомъ старуха добываетъ отъ разныхъ своихъ доброхотовъ гдѣ говядины не много, сырой или вареной — чаще, разумеется, вареной, — гдѣ трески, а клубный поваръ даетъ иногда и шей; разумеется, послѣднее дѣлается не съ благотворительной цѣлью, а потому, что онъ заставить старуху вымыть у себя полы или сдѣлать другую работу, за которую считаетъ для себя выгоднѣе заплатить натурой, т. е. разными негодными ему клубными остатками; но старуха, по своему добродушію, этихъ тонкостей понять не умѣетъ и считаетъ повара своимъ благотворителемъ. Но и всего этого все-таки недостаточно, и потому старуха дѣлаетъ лѣтомъ разные запасы, особенно для постныхъ дней. Съ этой цѣлью она собираетъ и сушитъ или салитъ разные грибы и бруснику.

Потому что женскій трудъ пользуется въ Тотъмѣ такимъ незначительнымъ вознагражденіемъ, положеніе одинокихъ женщинъ здѣсь до того трудно, что каждую изъ нихъ, если она принуждена жить исключительно своимъ личнымъ трудомъ, можно считать безошибочно полу-нищей. По расчету, который я сдѣлалъ въ первой статьѣ, такихъ одинокихъ женщинъ здѣсь 232, а исключивъ изъ нихъ 50 нищихъ, останется 180, перебивающихся день за день, какъ одинокая старуха съ дочкой. Нѣтъ здѣсь ни торговли, ни промышленности, ни ремесла, ни фабрикъ. Крыжанычъ бы сказалъ, что умы у жителей Тотмы—косны и ничего они не могутъ придумать, и потому сидятъ всѣ сиднями или занимаются такими дѣлами, которыя, вѣроятно, и на островѣ Мадагаскарѣ или на Алеутскихъ островахъ не считаются выгодными.

Для полноты описанія, слѣдовало бы еще сказать, какимъ образомъ, т. е. на что расходуетъ старуха свой приходъ: что она пьетъ и ѣстъ и во что одѣвается. Но объ этомъ я скажу въ четвертой главѣ, при описаніи четвертаго сорта тотемскихъ богатей.

VI.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОРТЪ.

Этотъ четвертый сортъ, по уровню потребностей, размѣру денежныхъ средствъ и образу жизни, не отличается почти ничѣмъ отъ третьяго сорта бѣдняковъ. Разница между ними заключается не въ приходѣ, а въ способахъ его пріобрѣтенія. Одинокая старуха, если на что не хватитъ ея собственныхъ силъ, пойдетъ къ своимъ добротамъ и у нихъ выпроситъ; но четвертый сортъ — сортъ гордый: онъ не проситъ, а выкручивается самъ, и хотя живетъ такъ же бѣдно, какъ и всякая одинокая старуха, но за то не одоляется. Смыслу этому сорту бѣдняковъ даетъ присутствіе мужчины, поэтому и размѣръ матеріальнаго благосостоянія семьи зависитъ исключительно отъ талантовъ главы семейства. Вотъ пильщикъ, зарабатывающій въ день отъ 25 до 60 к.; у него жена и пятеро карапузиковъ; младшій лежитъ еще въ люлькѣ, а старшему семь лѣтъ. Семья живетъ хорошо, т. е. изба стоитъ прямо, тараканы выморожены, жена одѣта опрятно, въ домѣ водятся сальные свѣчи, которыя хотя жгутся

и не всегда, по все-таки жгутся. Ъсть пильщикъ, по здѣшнему, превосходно, потому что въ скоромные дни у него всегда говядина, а въ постные—рыба; отъ этого и вся семья смотритъ весело, ребятишки жирные, баба здоровая, а въ люлькѣ барахтается такой здоровякъ, что можно дать ему два года, тогда какъ ему далеко еще пѣтъ и одного. Папскосокъ пильщика живетъ другое семейство въ покачнувшейся, старой избѣ, которой не суждено никогда выпрямиться. Семью составляетъ мать 60 лѣтъ, сынъ 30 лѣтъ, его жена 35 и у нихъ дочь 4 $\frac{1}{2}$, мѣсяцевъ, другой сынъ 16 лѣтъ и двѣ дочери—одна 20, другая 18 лѣтъ. Значитъ, всѣ взрослые и всѣ работники; а при семи работникахъ можно бы, кажется, жить хорошо. Между тѣмъ, семья живетъ бѣдно-пребѣдно, потому что на общее прокормленіе работаетъ только одинъ большакъ, а все остальное лишь ѣсть. Старшій братъ имѣлъ прежде специальное занятіе: онъ былъ свѣчн на тотемскомъ свѣчномъ заводѣ. Теперь же эта специальность кончилась, потому что у хозяйки завода подростъ сынъ и сталъ работать самъ. По размѣру тотемской потребности, совершенно достаточно одного свѣчного мастера, потому что подѣдетъ пудъ или полтора сала, хозяйскій сынъ мигомъ выльетъ пѣзъ него свѣчи, и затѣмъ до новой отливки наслаждается безмятежнымъ покоемъ; слѣдовательно, два мастера—очевидная роскошь. Оставшись за штатомъ, прежній свѣчной мастеръ долженъ былъ измѣнить свою специальность; а какъ другихъ талантовъ, кромѣ свѣчного, у него не оказалось, то онъ и очутился въ положеніи человѣка, стоящаго на распутьи и незнающаго, идти ли ему на право или на лѣво. Теперь, т. е. въ тотъ моментъ, когда я пишу эту статью, экс-свѣчной мастеръ вьезетъ за подневную плату бунты и выручаетъ въ педѣлю 1 рубль, пѣзъ котораго пропиваетъ 20 к. "Этой работы достанетъ ему до пасхи; затѣмъ, съ вскрытіемъ Сухоны, онъ пойдетъ въ лямку, чѣмъ и займется все лѣто, до самаго льду. За путь въ Вологду и обратно платится 5 р., и совершается опъ въ 2 — 3 педѣли; такихъ двойныхъ концовъ сдѣлаетъ онъ въ лѣто 12, слѣдовательно, получить 60 рублей, изъ нихъ пропѣетъ 12, и чистой выручки останется 48 рублей. Затѣмъ наступитъ голодное зимнее время. Въ пильшиную зиму, до рождества, экс-свѣчной мастеръ заработалъ всего 5 рублей. Такимъ образомъ, его годовой денежный заработокъ, за исключеніемъ того, что будетъ пропито, составляетъ 61 рубль: изъ нихъ на подати и повинности за двухъ пужно отдать до 2 р. 50 к., и останется на прожитокъ

58 р. 50 н. Шестнадцатилѣтній братъ до сихъ поръ не дѣлалъ ничего или, лучше сказать, занимался таинствъ дѣломъ, котораго его домашніе стыдятся: онъ собиралъ милостыню по глухимъ улицамъ. Но съ будущаго года хозяинъ беретъ его съ собой въ лавку. — Что же касается до прекраснаго пола, то заработки его извѣстны: старуха мать больше всего сидитъ на печкѣ или занимается кое-чѣмъ дома; жена старшаго сына хозяйничаетъ и кормитъ своего грудного ребенка; двадцатилѣтняя дочь ходитъ мыть полы, восемнадцатилѣтняя живетъ теперь въ услуженіи и получаетъ за это жалованья 50 н. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, женщины прядутъ вати, важутъ чулки и ткутъ для домашняго употребленія холсты. Женскій заработокъ не обращается обыкновенно въ общую кассу, а расходуется каждой дамой на свой собственный гардеробъ. Подспорьемъ служить огородъ, въ которомъ Пенелопы сажаютъ картофель, свеклу, морковь, брюкву и лукъ. Изъ нихъ четыре предмета съ спеціальнымъ назначеніемъ для кухни, а морковь — для забавы дѣвицъ, какъ лакомство. Кромѣ того, прекрасный полъ ходитъ лѣтомъ въ окрестные лѣса и собираетъ грибы и ягоды, служащіе пищей въ постные дни.

Вотъ еще одна семья изъ того же сорта богатей: старуха-бабушка, положительно неспособная ни къ чему болѣе, какъ сидѣть на печи; ея сынъ 50 лѣтъ; его жена почти того же возраста; ихъ сынъ солдатъ 24 л. и его жена 22 лѣтъ; другіе дѣти большаки: дочь 22 лѣтъ, дочь 14 лѣтъ, три сына 13, 9 и 6 лѣтъ. Главнымъ работникомъ здѣсь старшій сынъ, служащій на соляныхъ варницахъ Кокорева. Жалованья ему полагается 5 руб. въ мѣсяцъ, но оно выдается не деньгами, а мукой по постоянной цѣнѣ, нѣсколько ниже базарной въ обыкновенные годы и значительно ниже въ годы неурожая. Кромѣ того, къ большимъ праздникамъ выдается еще и говядина, папригъ, къ рождеству, въ пасхѣ, фунтовъ по пятнадцати. Положеніе этой семьи гораздо хуже, чѣмъ описанной выше, потому что вся тяжесть содержанія дома лежитъ на отцѣ. Его сынъ, солдатъ, служитъ въ зѣйшней командѣ и работаетъ въ вапцеларіи командира съ 8 часовъ утра и, кажется, до 5 или 6 вечера; такъ что, не смотря на свои разнообразные таланты, онъ не вноситъ въ домашнюю сокровищницу ни копѣйки. Таланты же созданы слѣдующіе: онъ учился въ тотемскомъ уѣздномъ училищѣ, и потому умѣетъ не только читать и писать, но даже знаетъ, кто были Рюригъ, Синеусъ и Труворъ; эти обширныя знанія пошли ему, однако, въ убы-

токъ, потому что его засадили въ канцелярію; кромѣ того, онъ знаетъ малярное ремесло и даже умѣетъ готовить водку, потому что цѣлый годъ работалъ при водочномъ мастерѣ, когда былъ въ Тотмѣ откупъ. Всѣ эти таланты погибаютъ втунѣ, а грамотность, даже положительно идетъ въ убытокъ. Конечно, человѣкъ болѣе предприимчивый не потерялъ бы даромъ своего вечера; но нашъ солдатъ по вечерамъ или отдыхаетъ, или—что случается впрочемъ очень рѣдко,—подшиваетъ кожей старые валенки. Въ то же время солдатъ заявляетъ свое удивленіе, смѣшанное съ завистью, къ необычайной дѣятельности солдатъ-евреевъ. Напримѣръ, онъ чувствуетъ вполнѣ свое ничтожество предъ евреемъ-барабанщикомъ, который нынче купитъ самоваръ и заплатитъ за него 10 руб. сер., а завтра продастъ за 11 р.; благоговѣетъ нашъ солдатъ также предъ богатствами еврея-цирюльника, извѣстнаго въ Тотмѣ подъ названіемъ «новаго», хотя онъ служитъ въ здѣшнемъ горнизонѣ болѣе 10 лѣтъ. Это удивленіе и остается только удивленіемъ и ни на волосъ не убавляетъ обломовщины и инерціи солдата, который понимаетъ при этомъ очень хорошо, что богатство тотемскихъ евреевъ происходитъ отъ ихъ дѣятельности и отъ безтапапности тотемскихъ жителей. Видно, русскій человѣкъ, гдѣ бы онъ не жилъ и къ какому бы слою не принадлежалъ, нигдѣ еще не умѣетъ соединить слово и дѣло. Разсуждаетъ онъ и хорошо, да только ничего не дѣлаетъ.

Потому что солдатъ разсуждаетъ гораздо лучше, чѣмъ онъ поступаетъ, онъ находится въ довольно странномъ отношеніи къ семейству своего отца. Отецъ его хорошій и добросердечный мужикъ; ему не хотѣлось, чтобы сынъ жилъ отъ него отдѣльно; но добросердечіе старика не соответствовало размѣру его денежныхъ средствъ, потому что два лишнихъ желудка — вѣчно голодный солдатскій и очень большой здоровеннѣйшей жены солдата, — могли причинить совершенно непоправимый дефицитъ въ сѣстныхъ припасахъ, получаемыхъ старикомъ съ варницы. Поэтому, оказалось необходимымъ устроить общее хозяйство, на основаніяхъ, наиболѣе выгодныхъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Это устроилось такимъ образомъ. На себя и на жену солдатъ получаетъ въ мѣсяцъ 1 пудъ 30 фунтовъ ржаной муки, 7 фунтовъ крупъ и 65 к. на приварокъ. Деньги и муку солдатъ оставляетъ у себя и, слѣдовательно, ѣстъ хлѣбъ свой собственный, а крупу отдаетъ въ семью и за это ѣстъ то, что здѣсь называется щами, изъ семейнаго горшка. — Ужъ изъ

этого одного можно вывести безошибочное заключеніе, что отцовскіе щи не имѣютъ особенно блестящихъ гастрономическихъ свойствъ, ибо всѣ семь фунтовъ крупы стоятъ 21 копейку. Слѣовательно, наши, на двоихъ, сынъ вноситъ въ день 0,7 копейки. — Миѣ кажется, что читатель долженъ чувствовать нѣкоторое смущеніе въ тѣхъ частяхъ своего мозга, которыя занимаются у него экономическими соображеніями и хозяйственными расчетами, потому что я предлагаю ему постоянно совершенно неудобомыслимыя величины. А между тѣмъ, эти десятки, сотыя и тысячныя доли копѣекъ въ жизни бѣдняковъ составляютъ такія же единицы, какъ у насъ съ вами, читатель, рубли, у людей болѣе насъ бѣдныхъ—гривенники, а у людей богатыхъ, пьющихъ шампанское и сидящихъ на креслахъ Тура,—десятки и сотни рублей. Поэтому, если вы, читатель, вздумаете когда нибудь пообѣдать роскошно у Дюссо, то съ нѣкоторымъ знаніемъ десятичныхъ дробей можете заняться довольно поучительными вычислениями. —Деньги, остающіяся у солдата, употребляются ницъ на нѣкоторыя необходимыя дополненія къ его скудному столу, напримеръ, на пироги съ сайдой или съ говядиной, на чай или на сайку. Последнее уже—расходъ неблагоразумный, слѣовательно—роскошь, равносильная обѣду бѣднаго чиновника у Дюссо.

Такимъ образомъ, у одной семьи, сидящей за обѣдомъ за однимъ столомъ, общаго только одни щи; хлѣбъ же каждая половина семьи ѣстъ свой собственный. Точно такъ же, если солдатъ вздумаетъ испечь пироги, то онъ имѣетъ полное право ѣсть ихъ вдвоемъ только съ своей женой, и никто не поставитъ ему въ упрекъ, если бы онъ не поподчивалъ своихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ. Не предложить отцу и матери, конечно, не деликатно, хотя бы и не противорѣчало юридическимъ понятіямъ бѣдныхъ людей.

Гардеробъ людей четвертаго сорта соответствуетъ вполне ихъ обѣду. — Читатель можетъ миѣ замѣтить, что объ обѣдѣ онъ еще ничего не слышалъ, и потому судить о немъ не можетъ; послѣ гардероба скажу и о немъ. —Напримеръ, у дѣвушки, сестры экассвѣчнаго мастера, всего три ситцевыхъ платья; башмаковъ нѣтъ, а собирается она завести ихъ къ пасхѣ; теплая одежда ограничивается ватной ситцевой кофтой, которая служитъ для ежедневныхъ выходовъ и для работы; а по праздникамъ, и преимущественно къ обѣдѣ, надѣвается заячья шубка, опушенная лапчатымъ бѣличьимъ мѣхомъ и крытая дешовенькой шерстяной матеріей (люстриномъ).

Такая шубка стоит восемь рублей. Это парадное одѣяніе, не особенно теплое по здѣшнимъ тридцатиградуснымъ морозамъ, не годится совершенно для ежедневнаго употребленія по своей непрочности. Оно заводится для удовлетворенія чувству тщеславія в тобы не отстать отъ другихъ. У солдатики тоже три платья—два ситцевыхъ и одно кисейное. Шубы нѣтъ ровно никакой, такъ что заячье пальто составляетъ для нея предметъ безплодныхъ мечтаній, какъ замужество для бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ. За неимѣніемъ шубы, путешествіе въ церкви совершается въ ежедневной ватной кофѣ, а для тепла надѣвается подъ нее толстый бумажный платокъ.—Къ чести здѣшнихъ мѣщанокъ нужно сказать, что онѣ носятъ ватныя юбки. Я бы не употребилъ этого выраженія, страннаго для каждаго разсудительнаго человѣка, если бы не встрѣчалъ между дѣвицами, изъ такъ называемаго образованнаго сословія, такихъ субъектовъ, которые стыдятся носить зимой панталоны, предполагая, вѣроятно, что этотъ костюмъ оскорбляетъ женскую непорочность и стыдливость.—Бѣлье шьется изъ довольно грубаго холста домашняго издѣлія и мѣняется разъ въ двѣ педѣли.

Объ ѣдѣ тотемскихъ мѣщанъ никакъ нельзя сказать, чтобы они строго сообразовались съ тѣми разграниченіями въ состояніяхъ, которыя я сдѣлалъ. Есть общенациональныя кушанья, напр. кислая капуста, рѣдька, толокно, чистое или съ брусникой, которыя употребляются людьми даже довольно прожиточными. Затѣмъ, есть кушанья, общія только по названію, по получающія у бѣдныхъ совершенно иной характеръ, вслѣдствіе дурнаго приготовленія и матеріаловъ низшаго сорта. Наконецъ, есть кушанья, специально питающія желудки бѣдныхъ людей. Эти кушанья, о которыхъ я и буду говорить только, употребляются безразлично бѣдными людьми всѣхъ трехъ сортовъ, такъ что семья вкс-свѣчнаго мастера не отличается въ этомъ отношеніи ничѣмъ отъ совершенно бѣдныхъ вдовицъ и даже нищихъ. Причина понятна и проста. То, что называется у насъ простопародьемъ и составляетъ повсюду главную массу рабочаго населенія, ходящаго не въ ситцевыхъ рубашкахъ, а въ рубашкахъ домашняго издѣлія, имѣютъ одинъ общій уровень потребностей и живетъ вездѣ одинаково. Оно не знаетъ ни кроватей, ни перипъ, ни одѣялъ, ни даже подушекъ; полушубокъ или тулупъ замѣняетъ ему и постель, и одежду. Спитъ оно, если не совсѣмъ вповалку, безъ различія пола и возраста, то и безъ особенно стро-

го-установленныхъ въ этомъ отношеніи правилъ. Ёсть оно точно такъ же безхитростно, невзтрудни себя соображеніемъ о томъ, что полезно и вредно, что питательно или только лежитъ въ животѣ балластомъ. Люди, живущіе этимъ образомъ жизни, могутъ зарабатывать себѣ средства существованія весьма различными способами: могутъ быть они и плотниками, и плотничками, и даже свѣчными мастерами; могутъ они быть, пожалуй, и пищиками—внѣшнее различіе, повидимому, огромное,—но это еще не можетъ измѣнить заключенія о томъ, что если всѣ они пьютъ и ѣдятъ одно, снять и вообще живутъ одинаково, то въ основаніи такого порядка жизни должны лежать, конечно, однѣ общія причины.

Климатическія вліянія играютъ здѣсь, разумѣется, одну изъ главнѣйшихъ ролей. Аравитянину питается финиками, потому что у него растетъ финиковая пальма; бразилецъ ѣстъ апельсины и ананасы и не считаетъ ихъ даже лакомствами; а тотемскія красныя дѣвушки разводять для этой цѣли морковь, которая своими пробковыми свойствами должна приводить непременно въ смущеніе ихъ прекрасные желудки. Въ странѣ, гдѣ роскошью служатъ горохъ и морковь, было бы несправедливо требовать отъ почвы кукурузу, рисъ, бананъ, финики и ананасы. Въ замѣтъ ихъ, да и то только при тщательномъ уходѣ, получаютъ въ огородахъ рѣдька, капуста, брюква, свекла, картофель и морковь; а въ поляхъ—рожь, овесъ, ячмень.—Читатель замѣтитъ мнѣ, что скудная природа не значитъ ничего, что на улицахъ Петербурга не растутъ тоже ананасы, гаванскія ситары, турецкій табакъ, чай, кофе, сахаръ, а между тѣмъ, всѣя эти благами пользуются въ Петербургѣ даже люди вовсе небогатые. Разсужденіе совершенно справедливое; но за то и Петербургъ самъ по себѣ производитъ «нѣчто», обмѣняваемое имъ на хлѣбъ, шолковыя и шерстяныя матеріи и разные другіе предметы. Петербургъ есть русская умственная лабораторія, и такъ какъ въ немъ производятся разныя хорошія и умныя мысли въ большемъ количествѣ, чѣмъ ихъ нужно для самого Петербурга, то они и мѣняются на аравійскіе финики, жессинскіе апельсины, гаванскія ситары, французскія шолковыя матеріи и сукна, и т. д. Но что же производить Тотьма, что бы бразилцу было выгодно повезти къ себѣ на обмѣнъ свои ананасы, а французу—бордосскія вина или ліонскія матеріи?—Единственный продуктъ труда тотемскихъ гражданъ, имѣющій общеевропейскія свойства, есть полу-чулки. Товаръ этотъ идетъ да-

же въ Петербургъ, и въ замѣнъ его тотемцы получаютъ разныя пехитрыя матеріи для своего скуднаго гардероба и чай, и сахаръ. Вотъ все, что нужно тотемцамъ и что они въ состояніи вымѣнять на свой трудъ. Если бы ихъ трудъ былъ такъ же успѣшенъ, какъ трудъ хоть бы даже петербургскихъ жителей, то къ намъ бы поѣхали и бухарскіе халаты, и лѣонскія шелковыя матеріи, и финики, и абрикосы. А теперь кто же повезетъ сюда абрикосъ, когда въ замѣнъ его предложить одну брюкву или одну морковку? Человѣкъ, производящій въ день на 3 коп., можетъ получать и въ замѣнъ того другихъ необходимыхъ ему предметовъ тоже не болѣе, какъ на 3 коп. При большомъ развитіи промышленныхъ способностей, можно бы, разумѣется, производить въ день и болѣе, чѣмъ на 3 коп., но какъ такихъ способностей въ наличности не оказывается, то приходится направить свои силы на то, на что они наиболѣе годятся. Ни лондонскій, ни парижскій, ни даже петербургскій мѣщанинъ не сѣютъ лукъ, брюквы и картофеля. Тамошнему мѣщанину гораздо выгоднѣе заняться какимъ нибудь другимъ трудомъ, потому что онъ пріобрѣтетъ на него не только брюкву и картофель, но и все остальное, необходимое ему для жизни. Но тотемскій мѣщанинъ иныхъ силъ и способностей; онъ занятъ менѣе выгоднымъ, потому что болѣе выгоднаго произвести не въ состояніи, или лучше сказать, онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы добыть побольше, и это «побольше» все-таки вещь очень скудная, потому что онъ производитъ всего ровно столько, чтобы купить себѣ верхнюю одежду, сапоги, муку, чай и сахаръ, а остальное, ему необходимое, вымѣнять ему не на что; онъ долженъ произвести все это самъ. Вотъ почему тотемскія Пеналопы обращаютъ лѣтомъ свои силы на возвращеніе въ огородахъ лукъ, картофеля, брюквы, свеклы и капусты, т. е. такихъ предметовъ, какіе только въ состояніи произвести мѣстный климатъ и почва.

Такимъ образомъ, скудная природа, въ соединеніи съ скудными промышленными способностями, создаетъ и скудные продукты. Но и эти скудные продукты, при иныхъ условіяхъ, могли бы быть обработаны инымъ образомъ. Англичане изъ вонючей трески готовятъ очень вкусную закуску къ водкѣ; французскіе повара изъ капусты и говядины дѣлаютъ множество разнообразныхъ и вкусныхъ вещей; люди же первоначальнаго, простого быта тѣ же самые матеріалы поглощаютъ въ ихъ простѣйшемъ, сыромъ или почти сы-

ромъ видѣ. Тотемцы держатся гастрономической и кулинарной теоріи первоначальныхъ людей и обнаруживаютъ враждебное расположеніе къ французской и англійской кухнѣ. Можетъ быть, они въ этомъ и правы, точно такъ же, какъ будутъ правы англичане и французы, если отнесутся подобнымъ же образомъ къ кухнѣ тотемской. Мы, русскіе, конечно будемъ менѣе строги въ этомъ отношеніи; мы говоримъ даже съ порядочною долей гордости, что русскій человѣкъ не знаетъ и не хочетъ знать никакихъ удобствъ жизни; что нѣтъ такихъ лишеній, которыхъ бы онъ не перенесъ; что ему ни по чемъ 40 градусный морозъ и 60 градусный жаръ; что онъ можетъ не ѣсть три и не пить четыре дня, или на оборотъ—что впрочемъ не признаетъ сущности, — что онъ проживетъ на рѣдкѣ такъ же благополучно и наработаетъ столько же, сколько англичанинъ на ростбифѣ. Въ доказательство желѣзныхъ свойствъ русскаго человѣка, можно привести при этомъ итальянскій походъ Суворова, конечно, не упоминая о Хованскомъ. Но добродѣтельный читатель! если вы вздумаете дѣйствительно говорить все это, то докажете только, что вамъ совершенно незнакома физиологія. Кушайте рѣдку, сколько вамъ угодно, но только не увѣряйте, что толочко съ брусничкой вкуснѣе и питательнѣе ростбифа, или что лошадь, кормленая однимъ сѣномъ, можетъ проработать столько же, сколько лошадь кормленая овсомъ. Все это, повидимому, очень хорошо извѣстно всѣмъ такъ называемымъ образованнымъ русскимъ; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же образованный русскій входитъ въ азартъ, если отзываются не съ достаточной похвалою о рѣдкѣ и толочкѣ?—Гдѣ же вы видѣли такихъ образованныхъ русскихъ? спроситъ меня читатель. — Видѣлъ, читатель, и очень много видѣлъ. Я знаю, что своимъ отзывомъ о толочкѣ задѣну патристическое чувство этихъ почтенныхъ людей; но я знаю также, что они задѣнутся потому, что сами живутъ болѣе или менѣе въ родѣ тотемскихъ мѣщанъ, и если не всегда ѣдятъ висулю капусту и рѣдку, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они не покровительствовали клопамъ, блохамъ, тараканамъ, и чтобы были въ состояніи жить и думать, какъ англичане, пѣмцы и французы, съ которыми они имѣютъ неосторожность считать себя равными по образованію. Въ той постепенной лѣстницѣ, какая образуется отъ самаго необразованнаго до утонченно-образованнаго русскаго, люди этого сорта составляютъ еще у насъ значительное большинство — главныхъ пѣвчихъ въ нашемъ общемъ русскомъ хорѣ. — Если чита-

телю покажется, что по поводу объѣда тотемскихъ мѣщанъ можно было бы говорить и поменѣе, то я ему замѣчу, что такое разсужденіе неправильно. Любители русской стороны и народныхъ преданій испологовали Россію вдоль и поперекъ, записывая вздорные и пивому совершенно непущные рассказы про иногда несуществовавшихъ богатырей и чудовищъ, создаппыхъ дѣтскимъ народнымъ воображеніемъ; любители напечатали тысячъ народныхъ пѣсень; нѣтъ ни одного журнала, гдѣ бы не помѣщались подобныя вещи; нѣкоторымъ собирателямъ удалось составить себѣ довольно громкую известность только потому, что имѣли довольно здоровыя ноги, чтобы ходить пѣшкомъ по Россіи, и довольно терпѣнья, чтобы сидѣть въ курныхъ избахъ и записывать отъ бабъ пѣсни. Но любители, ухитрившіеся забраться въ вѣкъ Владимира и въ компанію Добрыни Никитича, забыли среди блистательнаго общества русскихъ богатырей, что есть на свѣтѣ живые люди, для насъ болѣе важные, чѣмъ тѣмъ несуществовавшихъ исполиновъ, все достоинство которыхъ заключалось въ томъ, что они отличались здоровыми кулаками; любители забирались въ самую глубь народнаго воображенія и, въ то же время, не видѣли, что ѣсть, сидящая съ ними за однимъ столомъ, баба, отъ которой записывается пѣсня; какъ живетъ эта баба и какое толокно или другой продуктъ русской промышленной изобрѣтательности начиняетъ ея брюхо. Ни одинъ любитель московской старины не обращалъ вниманія на современнаго русскаго человѣка, точно намъ до зарѣзу понадобилось познакомиться съ Нолканомъ богатыремъ или Ильей Муромцомъ. Но я думаю, что описаніе ѣды русскаго человѣка важнѣе всякой русской пѣсни, особенно изъ временъ Владимира, и для человѣка разсудительнаго, живущаго во времени, а не въ пространствѣ, интереснѣе знать, что ѣсть нынче тотемскій мѣщаниппъ, чѣмъ какъ пѣлъ Добрыня Никитичъ.

Чтобы образованный русскій патриотъ могъ представить себѣ яснѣе весь утопченный вкусъ яствъ тотемскихъ мѣщанъ и величіе ихъ кулинарнаго искусства, я посоветовалъ бы ему заказать своей кухаркѣ объѣдъ по моимъ рецептамъ. Рецепты г-жи Авдѣевой конечно лучше, но ея объѣдъ не можетъ имѣть такого просвѣтляющаго вліянія на экономическія понятія; а потому, если патриотъ, воспользовавшись мсимъ совѣтомъ, сочинить для себя тотемскій объѣдъ—я даже совѣтовалъ бы ему пригласить гостей,—и послѣ объѣда хозяинъ и гости почувствуютъ въ своихъ желудкахъ разныя непріят-

ности,—то это все, чего я желаю, ибо затѣмъ экономическія понятія компаніи освѣнятся непремѣнно новымъ свѣтомъ и за мной упрочится частичка той славы, которая въ русской кухнѣ принадлежала до сихъ поръ безраздѣльно одной г-жѣ Авдѣевой.

Рецептъ № 1. *Пареная брюква*.—Брюква обмывается, кладется въ плоску и ставится въ истопленную печь. Когда брюква испарится, ее ѣдятъ горячую или остуженную.—Очень вкусное кушанье, замѣняющее лакомство, и потому можетъ служить вмѣсто пирожного.—Ножей и вилкой при ѣдѣ его не употребляется.

№ 2. *Супъ изъ свеклы*.—Свеклу очистить, изрубить, положить въ горшокъ, налить воды и посыпать соли по вкусу, и поставить въ печь.—Ѣдятъ ложками, съ хлѣбомъ. Очень красивый супъ, розоваго цвѣта, представляющій то удобство, что можетъ быть безразлично употребляемъ въ дни постные и скоромные.

№ 3. *Морковница (супъ)*.—Взять морковь, обмыть ее въ родѣ и затѣмъ испарить въ печи. Когда морковь достаточно упрѣетъ, изрубить ее помельче, посыпать солью, положить на плоску и облить молокомъ, такъ чтобы вышелъ супъ.—Кушанье это ѣдятъ тоже ложками, съ чернымъ хлѣбомъ.

Примѣчаніе. Морковь употребляется еще въ сыромъ видѣ, какъ лакомство, преимущественно дѣвushками и дѣтьми, и какъ начинка для пироговъ. Въ послѣднемъ случаѣ готовится тѣсто изъ ржаной муки на половину съ 2 сортами пшеничной, вслѣдствіе чего, оно получаетъ пріятный шоколадный цвѣтъ, нѣсколько съ чернoземнымъ оттѣнкомъ. Тѣсто раскатывается толстымъ слоемъ, и испаренная и изрубленная морковь намазывается возможно-топкимъ слоемъ; затѣмъ пирогъ зашпиливается и сажается въ печь.—Требуется особенный навыкъ для опредѣленія соотвѣтственнаго отношенія между толщиной тѣста и тощиной слоя моркови.—И эти пироги имѣютъ ту двойную выгоду, что могутъ служить одинаково въ постные и въ скоромные дни. Впрочемъ, для приданія имъ строго-постнаго характера, обмазываютъ ихъ сверху постнымъ масломъ. Въ мясоѣдъ же можно обмазывать ихъ масломъ скоромнымъ.—Ѣдятъ пальцами.

№ 4. *Жареные яблоки (Pommes de terr.*—Французское названіе поставлено въ скобкахъ потому, чтобы не вводить читателя въ недоразумѣніе; а во-вторыхъ, чтобы показать, что тотемскіе мѣщане знакомы съ французскимъ языкомъ).—Картофель сварить въ водѣ,

вычистить, искрошить ножами, положить въ плешку, прибавить масла (постнаго или скоромнаго, смотря по дню), посолить, поставить въ печь, и когда картофель зажарится, то превратится въ жаренныя яблоки.—Бдять вилками, но преимущественно ложками; съ тѣмъ же удобствомъ можно употребить и пальцы.

№ 5. *Щи* или, какъ пишутъ знатоки русскаго языка, — *Шти*. — Налить въ горшокъ воды, положить немного овсяныхъ крупъ и луку — смотря по времени года, перушками или луковками, — и щепоть соли, и поставить горшокъ въ печь. Когда все это хорошо упрѣетъ, наливаютъ въ чашку и бдять ложками. Въ скоромные дни преимущественно, когда есть говядина, щи варятся на мясномъ бульонѣ. Чтобы бульонъ не вышелъ особенно крѣпкъ, на семью въ десять человѣкъ кладется 2 фунта говядины.

№ 6. *Каша*. — Въ сочиненіяхъ г-жи Авдѣевой можно найти подробныя описанія самыхъ разнообразныхъ сортовъ кашъ, и потому читатель отсылается туда. Прекрасная же тотемская шѣщанка, посвятившая меня въ тайны своей кухни, на мой вопросъ о кашѣ, отвѣтила, что кашъ она никакихъ не варитъ — дорого. Это же мнѣніе разделяютъ и всѣ сорта бѣдныхъ, о которыхъ я говорилъ.

№ 7. *Пирогъ*. — Дѣлаются разныхъ фасоновъ и величинъ — отъ полтора вершка до полуаршина, — и начинываются наглухо, со швомъ посрединѣ, если пирога большой, или сбоку, если пирожокъ маленький; готовятся также и растегви. О тѣстѣ было уже сказано. Что же касается до начинки, то въ торжественные дни употребляется для этого говядина, въ дни постныя и менѣе торжественныя — сайда. Рыба эта имѣетъ достоинство дешевизны, ибо продается по 3 к. за фунтъ, а другихъ достоинствъ у нея не имѣется. Это значить, что вкуса въ ней нѣтъ ровно никакого, а волеетъ она ни то йодомъ, ни то треской, что, можетъ быть, и очень ароматично, но требуетъ привычки смолоду и крѣпкихъ обонятельныхъ нервовъ. Если идетъ въ начинку рыба, то никакихъ дополнительныхъ приправъ къ ней, кромѣ соли, въ пирога не прячется. Постныя свойства пирога отъ этого возвышаются болѣе и трудноваримосць его усиливается. Въ открытую грудь растегавъ кладется свѣжая сельдь или другая мелкая рыба, а въ скоромные дни и всякая каша съ рубленой свиной или нѣчто подобное. Такъ какъ всѣ эти пополненія употребляются въ пирогахъ собственно, какъ украшеніе, то очевидно, что главнѣйшая сущность заключается въ тѣстѣ, такъ что волея тотемскій

пирогъ—моя тотемскіе аристократическіе читатели понимаютъ, разумеется, что я говорю не объ ихъ пирогахъ,—можетъ быть разсматриваемъ—даже безъ большой натяжки,—какъ пирогъ съ «нѣтомъ».

№ 8. *Кислая капуста*.—Употребляется въ сыромъ видѣ, безъ всякихъ приправъ. Очень пріятное кушанье и, по мнѣнію Либиха, весьма полезное на сѣверѣ.

№ 9. *Соленые грибы*.—Употребляются, какъ и кислая капуста.—Либихъ о соленыхъ грибахъ не говоритъ ни слова, вѣроятно потому, что въ выметенныхъ нѣмецкихъ лѣсахъ никакіе грибы не рождаются.—Сухіе грибы варятъ съ водой и выходятъ супъ. Кромѣ того, пекутъ съ сушеными грибами пироги: большіе называются обабки, а прожки—челеки. Тѣ и другіе пекутся по тѣмъ же основаніямъ, какъ было объяснено выше.

№ 10. *Рыбка*.—Растирается на тертѣ, потомъ мѣшается съ квасомъ и солью. Въ видѣ особенной приправы примѣшивается толокно, и тогда образуется кушанье весьма деликатнаго свойства.

№ 11. *Толокно*. Нигдѣ кулинарный (истинный русскаго человѣка не возвысился до такой степени, какъ въ разнообразныхъ и по истинѣ многочисленныхъ видовзмѣненіяхъ толокна.

Видоизмѣненія: а) *Тялушка*.—Толокно размѣшивается жидко въ квасѣ, такъ чтобы вышла совершенно однообразная болтушка. Соли не кладется.

б) *Мѣшанина*.—Толокно замѣшивается на водѣ густо прегусто, чтобы образовалось нѣчто подобное замазкѣ—той же степени плотности и вязкости. Затѣмъ это вещество поливается постнымъ масломъ и поѣдается ложками, какъ каша.

с) *Ягоды съ толокномъ*.—Берутъ моченую бруснику, поливають приличнымъ количествомъ холодной воды (болѣе или менѣе, смотря по запасу брусники и по вкусу), посыпаютъ толокномъ и размѣшиваютъ. Образуется болѣе или менѣе густой супъ.

д) *Дежень*.—Толокно замѣшивается на водѣ, какъ мѣшанина; затѣмъ берутъ цѣльную простоквашу, взбалтываютъ ее мутовкой или ложками, чтобы сдѣлать массу однородной, и поливають этимъ толокно.

е) *Толокно съ молокомъ*.—Берутъ сладкое молоко, посыпаютъ его толокномъ и размѣшиваютъ.

12). *Блины*.—Знатоканъ русской народной жизни извѣстно, что простонародье наше дошло въ нѣкоторыхъ вещахъ до понятій весь-

на вынодумственныхъ, общихъ во многомъ съ нѣмцами. Такая же родственность замѣчается и въ блинахъ. Чисто русскихъ, гречневыхъ блиновъ тотеицы не пекутъ, даже на масляницѣ. Это странное явленіе знатоки объясняютъ неистѣіемъ въ Тотѣмѣ гречневой муки. Но я считаю подобное толкованіе нѣсколько смѣлымъ, и думаю, что если бы тотеицы очень захотѣли гречневыхъ блиновъ, то къ нимъ привезли бы, разумѣется, и гречневую муку. Тотеицы, однако, предпочитаютъ нѣмецкіе блины русскимъ. Блины пекутся здѣсь овсяные и ячневые. Для этого разбалтывается жидко на водѣ—а у кого есть корова, то и на молокѣ,—мука, кладется немножко соли и пекутся на сковородѣ тонкіе, листообразные блины, совершенно подобныя нѣмецкимъ.

13). *Оладьи*. — Кушанье это ѣдятъ только въ заговѣнье; поэтому ясно, что оно не имѣетъ характера повседневности и можетъ быть рассматриваемо, какъ нѣчто исключительное. Оладьи пекутся изъ муки гороховой, ячневой и пшеничной. Ёдятъ ихъ за завтракомъ, горячія; а если что останется, то и за обѣдомъ, но ужъ холодныя.

Одни рецепты еще не даютъ понятія о характерѣ о и составѣ обѣда; а потому я приведу описаніе обѣда одного, описаннаго выше, семейства за двѣ недѣли: постную и скоромную. Предупреждаю читателя, что но мнѣ приносили каждый день пробныя порціи, слѣдовательно, мое описаніе взято съ натуры и за вѣрность его я ручаюсь. — Пробы начались съ среды.

Среда. За завтракомъ квашеная капуста; за обѣдомъ квашеная капуста; за ужиномъ квашеная капуста.

Четвертъ. За завтракомъ одинъ чорный хлѣбъ; за обѣдомъ щи съ говядиной и творогъ. (Это кушанье я пропускалъ выше: творогъ ѣдятъ въ простѣйшемъ его видѣ, безъ всякихъ приправъ и прибавлений). За ужиномъ то же, что и за обѣдомъ.

Пятница. За завтракомъ хлѣбъ и чай; за обѣдомъ постныя щи, т. е. овсяная крупа на водѣ безъ говядины, квашеная капуста. За ужиномъ то же, что и за обѣдомъ.

Суббота. За завтракомъ хлѣбъ; за обѣдомъ щи съ говядиной (прошу читателя помнить, что щипъ называютъ здѣсь овсяную похлебку); а у солдата, кромѣ того, пирогъ съ сайдой, которымъ онъ угощалъ и семейство своего отца.—За ужиномъ щи.

Воскресенье. Утромъ хлѣбъ и чай; за обѣдомъ щи съ говядиной,

а у сибиритъ пироги съ говядиною и растеганъ съ овсяной крупой и сливочною. За ужникомъ щи.

Понедѣльникъ. За завтракомъ хлѣбъ; за обѣдомъ творогъ политый махнатаньемъ, т. е. сыворожкой, остающейся послѣ сбиванія масла. (Махнатанье было приготовлено не дома, а куплено). — За ужникомъ то же самое.

Вторникъ. За завтракомъ хлѣбъ; за обѣдомъ вареная сайда, т. е. уха, приготовленная по слѣдующему рецепту: вода, сайда, соль, овсяная крупа. За ужникомъ то же.

Недѣля постная:

Понедѣльникъ. Завтракъ: квашеная капуста; обѣдъ: рѣдка и капуста; ужинъ, какъ обѣдъ.

Вторникъ. За завтракомъ капуста; за обѣдомъ горохъ, разваренный на водѣ, и капуста; ужинъ такой же.

Среда. За завтракомъ капуста; за обѣдомъ рѣдка съ толконномъ, щи, капуста; за ужникомъ щи и капуста, и т. д.

Въ посту число блюдъ болѣе, и это понятно; но за то весь постъ до Благовѣщенія рыбы не ѣдятъ; а если кто позволитъ себѣ такое вольнодумство, то назовутъ его нехристомъ, жидомъ и т. п. Въ Вологдѣ народъ гораздо либеральнѣе. Впрочемъ, къ стыду тотемцевъ, надо замѣтить, что и между ними заводятся теперь либералы, позволяющіе себѣ ѣсть въ посту рыбу. Конечно, изъ этого исключаются среды и пятницы, и первая, четвертая и страстная недѣли великаго поста.

Подобнымъ образомъ ѣсть въ Тотмѣ половина населенія, т. е., по меньшей мѣрѣ, 1800 человѣкъ; нѣсколько лучше ѣсть — допуская большее разнообразіе и обиліе яствъ, но однако не выходя за предѣлы 13 главныхъ кушаньевъ, описанныхъ мною выше, — еще одна четверть населенія или человѣкъ 900. Я воздерживаюсь опредѣлить однимъ словомъ качество ѣды тотемцевъ; если же для человѣка скромной жизни и понятій такая ѣда покажется хорошею, — значитъ, въ Тотмѣ людей, хорошо ѣдящихъ, можно считать до 2,700, а какъ слово «хорошо» на всѣхъ европейскихъ языкахъ имѣетъ хорошій смыслъ, то для прославленія Тотмы можно напечатать во всѣхъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ, что изъ 3,500 жителей этого города 2,700 ѣдятъ хорошо. Послѣдствіемъ будетъ то, что наиболѣе популярный у насъ лордъ Пальмерстонъ, прочитавъ въ газетахъ такое извѣстіе, улыбнется и скажетъ: «а вѣдь я о Тотмѣ думалъ иначе, — тамъ ѣдятъ хорошо». И нарисуетъ при этомъ лордъ Паль-

мерстонъ въ своемъ изображеніи пудовой ростбешъ, иѣсколько сортовъ пудангу, батарею хересу, портеру, элю, каравай честеру и т. д., погладить себя по животу и опять улыбнется. Но могутъ произойти послѣдствія и болѣе существенныя. Англичане, плавающие тѣмъ, что въ Тотмѣ ѣдутъ хорошо, двинутся къ нимъ сюда цѣлыми караванами; проведутъ они въ Тотму желѣзную дорогу, устроить здѣсь полотняныя фабрики, и ленъ, возвращаемый въ Вологодской губерніи, перестанутъ выпускать за границу; вмѣсто вязанья чулковъ руками, устроятъ чулочные фабрики; сѣмена тимотеевой травы въ Петербургъ не повезутъ, а заведутъ около Тотмы хорошее луговое хозяйство, хорошій рогатый и дойный скотъ; начнутъ приготавливать разные сыры; треску и сайду, имѣющія въ нашемъ отечественномъ приготовленіи убійственный запахъ, приготовить на манеръ сардинокъ, закупорятъ въ жестяныя коробки, и хотя на нихъ, какъ и нынче, будетъ красоваться англійское «cod-fish», но впазу поставятъ не «London», а «Totma». Вмѣстѣ съ отечественной треской, превратившейся въ cod-fish, пошлются въ западную Европу наши рябчики, куропатки и проч., и проч., и проч. Однимъ словомъ, Тотма уподобится Ливерпулю или Манчестеру,—пусть только, чтобы сюда пріѣхали англичане. Впрочемъ, какъ русскій, я бы желалъ, чтобы то же самое сдѣлали сами тотемскіе мѣщане, безъ всякихъ англичанъ и французовъ; но не скрою отъ многоуважаемыхъ моихъ тотемскихъ читателей, что почтенные ихъ сограждане не представляютъ въ ближайшемъ будущемъ никакихъ надеждъ на такую прогрессивность, и что только какое нибудь необычайное событіе, какъ напримѣръ, проведеніе черезъ Тотму десяти желѣзныхъ дорогъ, могло бы сдвинуть ихъ съ мѣста и вывести изъ состоянія косности, въ которомъ они пребываютъ много вѣковъ.

Косность есть общая черта всего тотемскаго населенія; даже прожиточные, которыхъ считается въ городѣ менѣе ста человекъ,—такіе же обломовы. А между тѣмъ, прожиточные стоятъ, по образованію и развитію, много выше остальныхъ мѣщанъ. Разумѣется, въ этой косности невиноваты ни теперешнія, ни прежнія поколѣнія. Много было причинъ и естественныхъ, и историческихъ, которыя вліяли на мѣстныхъ жителей и создали наконецъ то умственное состояніе, въ которомъ пребываютъ тотемцы теперь. Экономическій результатъ всего этого въ наше время тотъ, что изъ 3,500 жителей—богатыхъ, т. е. людей капиталныхъ, купцовъ, въ городѣ всего человекъ 15;

прожиточныхъ — человекъ 100; находящихся въ переходномъ состояніи отъ прожиточныхъ къ болѣе бѣднымъ, — человекъ 200, а остальное все большая или меньшая голь.

УП.

Прожиточные.

Хотя я и не сказалъ пугдѣ прямо, по изъ послѣднихъ моихъ словъ читатель можетъ заключить, что въ экономической жизни тотемцевъ замѣчается не прогрессъ, а регрессъ. Это замѣтнѣе всего на прожиточныхъ, которые служатъ представителями отживающаго, первобытнаго промышленнаго начала.

Нѣкогда Тотыма была городомъ довольно оживленнымъ. Но происходило это не потому, чтобы въ тѣ времена умственные способности тотемцевъ были развитѣе, а чисто по обстоятельствамъ внѣшнимъ: чрезъ Тотыму шелъ сибирскій трактъ, а потому она пользовалась всѣми выгодами транзитнаго мѣста.

Подобное положеніе похоже на положеніе купца, которымъ быть выгодно, пока есть чѣмъ торговать; но какъ скоро исчезъ товаръ, долженъ исчезнуть и купецъ. Это исчезновеніе, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть очень недалеко отъ голодной смерти, потому что человекъ, всю жизнь свою занимавшійся только тѣмъ, чтобы передавать предметы отъ производителя къ потребителю, а самъ, своимъ личнымъ трудомъ, несоздававшій ровно ничего, въ случаѣ прекращенія подобныхъ передачъ, долженъ очутиться съ совершенно пустыми руками. Хорошо еще, если онъ умѣетъ дѣлать горшки или шить сапоги: онъ можетъ приняться за это ремесло; а если нѣтъ? — То же самое происходитъ и съ транзитнымъ городомъ, когда прекращается транзитъ. Во время провоза товаровъ были нужны лошади, ямщики, постоянные дворы, харчевни, трактиры, сколько требовалось однихъ земледѣльческихъ продуктовъ, чтобы удовлетворить всю эту массу людей и лошадей, не говоря уже о предметахъ другого рода, въ видѣ разныхъ питей и увеселеній, услаждавшихъ сердца путешествовавшихъ купеческихъ прикащиковъ, сынковъ, а пожалуй, и самихъ купцовъ. Городъ кипѣлъ жизнью и собиралъ обильную дань со всякой проходившей чрезъ него живой души. И вдругъ трактъ

переводится въ другое мѣсто, и живыя души перестаютъ переходить и переѣзжать черезъ городъ: — постоянныя дворы, харчевни и трактиры закрываются, находившіяся въ нихъ прислуга распускается по домамъ, ямщики тоже, лошади распродаютъ, подвозъ сѣна, овса, муки, крупъ, масла, говядины и т. п. изъ деревень прекращается, и мѣсто прежняго оживленія, जोаряется монастырская тишина. Все, что жило прежде, прямо или косвенно, проѣзжающими и перевозкой товаровъ, должно теперь найти себѣ какое нибудь другое занятіе; но какое? Въдѣ это промышленный кризисъ; кризисъ болѣе трудный, чѣмъ Ливернуля при недостаткѣ хлопка. Ливернульскіе рабочіе, конечно, трудно оставаться безъ работы, и положеніе это тѣмъ ужаснѣе, что разореніе поражаетъ десятки тысячъ народа сразу; но страданіе каждаго отдѣльно-взятаго рабочаго здѣсь во-таки не такъ велико: не сегодня, такъ завтра привезутъ хлопокъ, и работа закипитъ снова. Конечно, можно умереть съ голоду, не дождавшись этого кипѣнья; но кто останется живъ, тому будетъ работа. Совсѣмъ другое, если прежняя промышленность прекращается совершенно, тутъ даже и тѣмъ, кто остается живъ, пред-стоитъ перспектива весьма печальная и положеніе почти безвыход-ное. Мѣсто стараго, кончившагося безвозвратно, нужно создать новое; а какъ-будто оно создается легко и скоро? Куда дѣться и за какую работу приняться тысячамъ бурлаковъ, которыхъ волжскіе па-роходы оставили безъ дѣла? Идти домой? Да они и прежде уходили изъ дому, потому что дома нельзя ничего заработать. — Въ подобное же положеніе ставятъ повсюду ямщиковъ желѣзныя дороги. Конечно, пароходство развивается постепенно, желѣзныя дороги строятся не вдругъ, и потому людямъ есть возможность обдумать свое положе-ніе заблаговременно и прискаты занятіе. Но справедливо также и то, что при всей постепенности устройства желѣзныхъ дорогъ, на-примѣръ, хотя московской, дѣло это идетъ сравнительно гораздо бы-стрѣе, чѣмъ могутъ прискаты или создать себѣ новое занятіе де-сятки тысячъ ямщиковъ. А если обратить вниманіе на недостатокъ умственнаго развитія народа, отсутствіе предприимчивости и знаній, наконецъ, на основныя предрасудки — напримѣръ, ямщикъ считаетъ земледѣліе занятіемъ унижительнымъ, — то будетъ понятно, почему такіа ямы, какъ Тотыма и другія, лежація по московскому шоссе, представляютъ въ настоящее время весьма жалостный видъ. Мос-ковская желѣзная дорога, конечно, — благо, но только не для ямщиковъ

московского шоссе. Что случилось съ ямщиками отъ проведенія желѣзной дороги, то случилось и съ Тотмѣй съ уничтоженіемъ сибирскаго тракта: прежній заработокъ кончился и люди очутились внезапно съ сложенными руками, не зная, на какое употребить ихъ дѣло. Конечно, на свѣтѣ существуетъ много занятій, кромѣ извоза и содержанія постоянныхъ дворовъ: можно ткать равныя матеріи — бумажныя, шерстяныя, шелковыя; можно выдѣлывать кожи и готовить кожаныя издѣлія, хотя бы въ томъ родѣ, какъ занимается этимъ Тюмень. Все это можно, но, какъ видно, только не для Тотмѣй. Здѣшніе жители, оставшіе послѣ перевода сибирскаго тракта съ сложенными руками, благополучно пребываютъ въ этомъ мирномъ положеніи и до сихъ поръ. Читатель, можетъ быть, думаетъ, что жители находятся только въ первомъ моментѣ недоумѣнія, вызваннаго внезапнымъ переходомъ къ новому положенію; что они теперь соображаютъ глубокомысленно, за что имъ приняться, и подъ недоумѣніемъ скрываютъ не совершенно выяснившуюся для нихъ мысль, которая разрѣшится какинъ нибудь промышленнымъ открытіемъ?—Бываетъ и такъ на свѣтѣ; но въ Тотмѣй такъ не бываетъ. Она недоумѣваетъ чуть ли не сто лѣтъ, и до сихъ поръ еще не надумалось, да вѣроятно никогда и не надумается, если не придетъ къ ней на помощь землетрясеніе или какое нибудь другое подобное событіе, способное разбудить почтенныхъ тотемскихъ обитателей отъ ихъ зимней спячки.

Ныѣшніе прожиточные, большею частью, —потомки прежнихъ богачей или зажиточныхъ людей, проживающіе свои послѣднія врѣхи и перебивающіеся изо дня въ день. Многіе изъ нихъ, а также и люди побѣднѣе, если ихъ спрашиваютъ, почему они живутъ такъ скудно, объясняютъ это пожаромъ. Подумавъ, что пожаръ былъ вчера; но по справкамъ оказывается, что онъ былъ болѣе пятнадцати лѣтъ назадъ. Теперешній фактъ въ томъ, что умы тотемцевъ обрѣтаются въ весьма печальномъ состояніи, и что если ксенобій бѣдныя объясняется его нищетой, то никакъ нельзя привести ту же причину въ оправданіе прожиточнаго. Напротивъ, прожиточные служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какое экономическое бѣдствіе можетъ испытывать страна, если въ головахъ, вовсе не голодающихъ, живутъ убѣжденія временъ царя Гороха; когда въ ихъ характерѣ нѣтъ ничего, кромѣ дряблости, а въ сердцахъ — кромѣ без-

плодной, расслабляющей надежды, что авось богатство свалится съ неба въ вознагражденіе человѣку за его терпѣливое ожиданіе.

Я знаю довольно коротко одно прожиточное семейство; люди это честные, деликатные, отличающіеся всѣми приёмами образованныхъ людей; но въ то же время до того косные, апатичные, дряблые, что они не шевельнуть ни однимъ пальцемъ, если ихъ не заставитъ вѣтеръ, снѣгъ, дождь и вообще какая нибудь внѣшняя причина. Люди эти составляютъ превосходный типическій образецъ прожиточныхъ тотемцевъ высшаго разряда.

Прожиточные составляютъ переходную форму, связующее звѣно, расплывающееся, съ одной стороны, въ бѣдняковъ четвертаго сорта, а съ другой, соединяющееся съ высшимъ человѣчествомъ и постепенно въ него переходящее. Поэтому, смотря по мѣсту, занимаемому прожиточнымъ, онъ принимаетъ большій или меньшій оттѣнокъ того слоя, къ которому стоитъ ближе. Тѣ изъ прожиточныхъ, которые расплываются въ настоящее безхитрое простое народье, не представляютъ поэтому ничего особенно любопытнаго. Это голыши, старающіеся сохранить, по возможности, нѣкоторый оттѣнокъ того внѣшняго приличія, которое упрочиваетъ за ними репутацію прожиточности. Ъдутъ они скверно, живутъ грязно, особенной изыщностью манеръ и рѣчи не отличаются, и вообще похожи на четвертый сортъ. Но прожиточные аристократическаго полета—совсѣмъ иное дѣло. У нихъ уже является приказная манерность, въ тонѣ рѣчи слышится музыкальность и пѣвучесть, совершенно непостижимая для грубаго уха четвертаго сорта; мужчины стараются быть остроумными на дворянскій манеръ, дѣвицы усваиваютъ цѣлыя фразы изъ провинціальныхъ кадрилиныхъ разговоровъ и изъ пѣсенника Курганова; вообще, литературное изыщество и эстетика манеръ и рѣчи смѣняютъ мужиковатость простаго человѣка, называющаго всѣ вещи ихъ собственными именами. Прожиточные, это тотъ сортъ людей, который служить проводникомъ въ массу народа внѣшняго лоска цивилизаціи, и особенное законодательное могущество въ этомъ отношеніи проявляетъ прекрасный полъ. Изыщныя прожиточныя дѣвицы первыя надѣли кринолины, обзавелись шляпками, зонтиками; онѣ слѣдятъ за модами; добываютъ выкройки гусарокъ, матросокъ, и хотя шьютъ ихъ не изъ тѣхъ матеріаловъ, какъ люди со средствами, а больше изъ стараго и крашенаго; но по отношенію къ какой нибудь бѣдной Машенькѣ Талашовой, онѣ пользуются все-таки моднымъ авто-

литетомъ дворянъ и меттернихъ или графини Морни. Если нынѣшній волостной голова и волостной писарь заняли бы во времена Ивана Грознаго или Михаила Федоровича съ честью мѣста думнаго боярина и думнаго дьяка; то и нынѣшнія тотемскія прожиточныя дѣвицы съ не меньшими блесками украсили бы ассамблеи Петра перваго. Я даже думаю, что самая изящная дѣвица того времени не сравнилась бы утонченностью шаверъ и выѣшнымъ лоскомъ съ модными прожиточными сосѣдками. А все это вмѣстѣ приводитъ меня къ тому заключенію, что нынѣшніе прожиточные тотемцы въ сущности люди времени Петра перваго, и что если бы они имѣли счастье родиться лѣтъ полтора-ста ранѣе, то, вѣроятно, образованный свѣтъ зналъ бы о нихъ болѣе, чѣмъ онъ знаетъ о нихъ теперь; а можетъ быть, имена нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчались бы даже на страницахъ исторіи семнадцатаго столѣтія Шлоссера. Вслѣдствіе магнитности, какую обнаруживаетъ на прожиточныхъ, а особенно на ихъ прекрасныхъ дѣвицъ стоящій надъ ними чиновничій слой, они тяготеютъ къ благороднымъ, и слово «баринъ» звучитъ въ ихъ ушахъ совсѣмъ не такъ, какъ оно звучитъ въ немусыкальномъ ухѣ четвертаго сорта. Поэтому прожиточные сочувствуютъ гораздо болѣе интересамъ того сословія, къ которому они тяготеютъ, чѣмъ того, изъ котораго они вышли, и, занимая средину между тѣмъ и другимъ, они живутъ особенной, смѣшанной жизнью, состоящей изъ элементовъ жизни престопаго и припагого челоѣчества. Пслѣдній элементъ, какъ аристократическій, служить исключительно уврашеніемъ противоположнаго ему демократическаго элемента; это сливки, плавающіе тонкимъ слоемъ на молокѣ. Тамъ, гдѣ нѣкто не видитъ прожиточнаго,—онъ челоѣкъ очень простой; въ кухнѣ онъ жметъ лучину, а свѣчку зажигаетъ только въ комнатахъ, выходящихъ онами на улицу; когда онъ дома одинъ, онъ ѣстъ кислую капусту, толокно съ постнымъ масломъ и рѣдку съ квасомъ; но если придутъ гости, онъ угощаетъ ихъ мадерой, жареной телятиной и пирогами съ вареньемъ; вредствыя прожиточныя дѣвицы носятъ сами воду изъ колодца, находящагося у нихъ на дворѣ, но и за миллионъ рублей не пойдутъ съ коромыслами на Сухону; но бѣдности, онѣ моютъ дома полы сами, стараются бѣлье, выносятъ помой и исполняютъ всякую домашнюю чорную работу, какъ какая нибудь кухарка, получающая платинишъ въ мѣсяцъ жалованья; но отъ посторонняго челоѣка онѣ не возьмутъ выстирать даже батистоваго носоваго платка, а тѣмъ болѣе не

осквернять своихъ рукъ прикосновеніемъ къ посудѣ извѣстнаго сорта. Послѣдній пунктъ можетъ представить даже нѣкоторое затрудненіе при наймѣ холостымъ квартиры у прожиточнаго семейства, неспѣшащаго прислуги. Однимъ словомъ, щепетильная боязнь уронить свое прожиточное достоинство служить прожиточному основнымъ руководителемъ во всемъ, что касается его нѣйшей жизни. Въ этомъ и заключается вся бѣдственность положенія прожиточныхъ. Тяготѣя къ быту людей болѣе богатыхъ, они плѣняются какъ разъ его убыточными сторонами; они увлекаются тѣстообразностью купеческихъ дочекъ и ихъ безмятежной жизнью, и сложенными руками; они завидуютъ возможности счастливицевъ пить чай съ утра до вечера, ѣсть жирные пироги, ходить въ кринолинахъ и гусаркахъ, грызть кедровые орѣхи сидѣть подъ окномъ въ ожиданіи, что пройдетъ красивый баринъ. Последнее обстоятельство въ Тотѣи, конечно, невозможно, но въ другихъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества оно наполняетъ сердца праздныхъ дѣвицъ сладостнымъ трепетомъ и возбуждаетъ въ нихъ сильное желаніе выйти немедленно вামужъ.

Сами по себѣ всѣ эти желанія, а особенно послѣднее, весьма законны. Но незаконно тутъ то, что прекрасный полъ желаетъ получать чай, кринолины, зонтики, модныя шляпки и даже молодыхъ, красивыхъ жениховъ безъ всякаго личнаго труда, точно всѣ эти превосходныя вещи создаются сами собой на облакахъ и затѣмъ падаютъ на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ чувствуется въ нихъ наибольшая потребность. Прожиточныхъ дѣвицъ и дамъ плѣняетъ лѣнь купчихъ и чиновницъ, и въ нихъ живетъ страстное желаніе достигнуть того блаженнаго состоянія, когда средства позволяютъ человеку даже сморкаться песобственноручно. Когда прожиточные разыгрываютъ роль сливокъ мѣщанскаго слоя, она такъ и поступаютъ, и за то съ тѣмъ большимъ неудовольствіемъ входятъ въ роль мѣщанскаго молока. Конечно, мытье половъ и стирка бѣлья—дѣло трудное и не особенно пріятное. Грубый механическій трудъ, разрушающій здоровье простыхъ женщинъ и приносящій имъ ничтожный заработокъ, не имѣетъ ничего плѣнительнаго, и потому весьма понятно, что человекъ съ особенной любовью смотритъ на такое положеніе, въ которомъ отъ него зависитъ работать или пѣтъ, и, по закону противоположности, считаетъ праздность самымъ блаженнымъ состояніемъ. Оставляя понемногу, въ дальнѣйшихъ фазисахъ своего развитія и по мѣрѣ развитія средствъ, грубый механическій трудъ, про-

нитоцныя, разставившись съ мѣщенствомъ, погружаются наконецъ окончательно въ тотъ порядокъ жизни, гдѣ вся дѣятельность ограничивается заказомъ обѣдовъ и заказаньемъ тамбурныхъ салосточекъ или кружочковъ. До этого блаженнаго состоянія достигли уже вполне женщины такъ называемаго образцоваго сословія. Этого мало. У нихъ переходъ этотъ совершился уже такъ давно, что то жалкое, зависящее состояніе, въ которомъ женщина находится теперь, составляетъ въ глазахъ большинства ея нормальное положеніе. Но въ то время, какъ у однихъ, т. е. образованныхъ, безпомощность въ экономической зависимости передаются по наслѣдству отъ одного женскаго поколѣнія къ другому, какъ неизбѣжный законъ природы, у другихъ, гдѣ женщина имѣетъ еще экономическую свободу и можетъ существовать своимъ трудомъ, вводится тотъ же порядокъ, по мѣрѣ накопленія средствъ существованія искусственно, и женщина становится наконецъ не только паразитомъ, но отъ ограниченія своего кругозора оставляетъ многія стороны своего ума совершенно безъ упражненія. Отъ этого происходитъ тотъ удивительный экономическій порядокъ, при которомъ большинство людей занимается пустяками или, по крайней мѣрѣ, тратитъ свои силы и способности несоотвѣтственными, слѣдовательно невыгодными образомъ. Совершается это весьма просто. Человѣческому организму такъ же необходимъ физическій и умственный трудъ, какъ ѣда и сонъ. Женщина оставляетъ свои прежнія занятія, потому что онѣ, по своему размѣру, превышаютъ потребность организма и становятся въ тягость, т. е. дѣлаютъ ее несчастной. Желая перейти къ другой крайности, т. е. къ счастью, женщина бросаетъ свой прежній трудъ и погружается въ самосозерцанье, сидя на диванѣ съ сложенными руками. Миѣ случалось видѣть купчихъ, достигшихъ въ этомъ отношеніи полного счастья или такой невообразимой лѣни, что вся жизнь ихъ проходила въ ѣдѣ, спаніи въ шелканыхъ кедровыхъ орѣховъ. Но подобное чудовищное оступленіе составляетъ удѣлъ только избранныхъ, и потому должно быть разсматриваемо, какъ исключеніе. Общее же правило заключается все-таки въ томъ, что праздность совершенно противна природѣ человѣка, потому что производить въ немъ болѣзненное состояніе, проявляющееся самымъ обыкновеннымъ образомъ въ формѣ скуки и тоски, и потому побуждаетъ человѣка къ дѣятельности. Вопросъ только въ томъ, на какой трудъ ее направить? Прежній былъ не по силамъ; очевидно, что нужно найти другой.—При большемъ

развитія умственныхъ способностей, женщины, разумеется, могли бы создать себѣ занятіе и пріятное, и выгодное. Въ сожалѣнію, такого умственнаго состоянія на нѣлось у женщинъ, и вотъ онѣ, бросивъ прежній, хотя и тяжелый, но выгодный трудъ, замѣнили его трудомъ легкимъ, пріятнымъ и убыточнымъ. Нынѣшнія образованныя женщины въ своей первобытной формѣ — пятнадцать, двадцать поколѣній назадъ, — когда она была еще здорѣвонной крестьянской бабой, доила коровъ, несла, жала, молотила, одѣла словомъ, создавала предметы первой необходимости, дававшая другимъ людямъ возможность создавать предметы слѣдующей необходимости: сапоги, платья и т. п. Въ замѣвъ такихъ почтенныхъ предметовъ, какъ хлѣбъ, та же крестьянка, переродившись постепенно въ образованную даму, стала вязать кружочки подъ покровчички, молва которыхъ сомнительна даже для тѣхъ, кто ихъ производить. — Я знаю, что образованныя дѣвочки и дамы, которыми особенно исполнены наши провинція, назовутъ меня дерзкимъ неволькой. На это я отвѣчу имъ, что онѣ не имѣютъ несправедливости, ибо пишу эту статью не я, а другой сотрудникъ «Русскаго Слова», котораго я глубоко уважаю, онѣ бы сказали прелестнымъ дамамъ и дѣвицамъ на примѣтъ, что всякій дѣлаетъ то, къ чему онѣ способны, и что, слѣдовательно, дѣвица, вяжущая кружочки, производитъ его потому, что не въ состояніи произвести ничего болѣе полезнаго. Конечно, прекрасная дѣвица утѣшается себѣ тѣмъ, что этой трудъ, какой бы онъ тамъ ни былъ, все-таки трудъ, а не праздность; а во-вторыхъ, что онѣ не только не имѣаютъ думать, а напротивъ, возбуждаютъ мысли. Но и на это тотъ же сотрудникъ отвѣтилъ бы, что вязанье кружочковъ не только просто праздность, а даже праздность вредная; что гораздо лучше ходить по улицамъ и флажировать, чѣмъ сидѣть на одномъ мѣстѣ въ душной комнатѣ и производить вещь, рѣшительно ни къ чему непригодную; что же касается до мыслей, возбуждаемыхъ во время вязанья, то въ сущности это даже и не мысли, а просто процессъ мышечаренія, потому что если человѣкъ способенъ думать по человѣчески, то онъ выдумаетъ что нибудь выгодное для себя и для другихъ; если же онъ не въ состояніи придумать ничего, кромѣ кружочковъ, то значитъ, что у него въ головѣ не является ничего такого, что порядочные люди называютъ мыслями. — Я очень доволенъ, что такой рѣзкій отзывъ принадлежитъ не мнѣ; съ своей стороны, я замѣчу, что такъ какъ относительный уровень экономи-

человѣческихъ способностей у образованныхъ женщинъ гораздо ниже, чѣмъ у женщинъ изъ простолюдинъ, то первая не только не производитъ ничего экономически-полезнаго, а напротивъ, еще вліяютъ вреднымъ образомъ на прекрасныхъ прожиточныхъ мѣщанокъ, которыя тоже употребляютъ всѣ усилія, чтобы достигнуть способности производить только тамбурные кружочки и затѣмъ—больше ничего. А какъ по мѣрѣ развитія матеріальнаго благосостоянія увеличивается число прожиточныхъ людей, то очевидно, что годъ отъ году увеличивается число тамбурныхъ кружочковъ и уменьшается число женщинъ, производящихъ предметы первой необходимости. Такимъ образомъ, уровень экономической производительности падаетъ, и съ развитіемъ женской праздности является неправильное и убыточное для общества распределение труда, потому что каждый дѣлаетъ не то, на что онъ наиболѣе способенъ. Отъ этого цивилизованныя женщины, чтобы не сидѣть сложа руки, дѣлаютъ то, что могли бы, съ меньшимъ утомленіемъ, исполнить дѣти; врожденныя и менѣе богатныя мѣщанки, глядя на барынь, начинаютъ тоже гнушаться полезнаго труда; здоровенные мужи, способные ворочать камни, нанимаются въ лакеи, чтобы подавать на изящныхъ, маленькихъ подносахъ стаканы съ водой, тогда какъ то же самое—и пріятнѣе для гостей, — могла бы сдѣлать четырнадцатилѣтняя дѣвочка, а здоровенному мужику приличнѣе носить воду ушатами, чѣмъ стаканами. Въ купеческихъ лавкахъ торгуютъ откормленные, краснощокіе прикащики и «молодцы», которымъ лучше бы дѣлать кирпичи и тесать камни; въ то время, какъ купеческія дочки, сестры и племянницы только ѣдятъ дома жирныя шаньги, да глазѣютъ въ окна.— И такъ во всемъ.

Хотя паразитность вообще и большое зло, но есть случаи, когда она менѣе вредна, и случаи, когда она вредна болѣе. Въ чиновничьемъ и вообще въ быту такъ называемаго образованнаго сословія, женщины дѣйствительно трудно принять участіе въ занятіяхъ мужчины. Положимъ, мужъ—начальникъ отдѣленія; какое участіе въ его дѣлахъ могутъ принять его жена и дочери? Въ Америкѣ, напримѣръ, женщины добиваются гражданскихъ правъ наравнѣ съ мужчинами; это значитъ, что когда онѣ ихъ добьются, то будутъ имѣть право ходитъ тоже на службу въ разныя палаты и быть начальницами отдѣленій. Положеніе заманчивое; но мы не американцы, а наши женщины не американки. Наконецъ, паразитное женское воспитаніе, передавав-

шесми изъ поколѣнія въ поколѣніе, положило на нашихъ образованныхъ дамъ такую печать и создало изъ нихъ такую особую пороку, что имъ совершенно невозможно перейти вдругъ изъ состоянія лѣнкости въ полезной дѣятельности; поэтому имъ еще долго придется быть супружескимъ бременемъ и ввязать тамбурные кружочки. Чтобы разоттѣсь съ этимъ жалкимъ зависимымъ положеніемъ, нужно имѣть способности исключительныя, а главное, исключительный характеръ и исключительную энергію,—что великая рѣдкость даже въ русскомъ мужчинѣ. Не смотря на рѣдкость, подобныя исключенія имѣются; въ молодомъ поколѣніи есть женщины, которыя принялись за полезный трудъ и за умственную работу, рѣшительно неслыханную для ихъ почтенныхъ мамонетъ. Но на такое дѣло пока способны только женщины очень энергическія, ибо приходится выносить сильную борьбу съ застарѣлымъ, рутиннымъ общественнымъ мнѣніемъ.

Читателю извѣстно, что въ каждой цивилизаціи есть двѣ стороны и что каждый необразованный народъ усвоиваетъ прежде всего то, что кажется ему привлекательнѣе. Легче и привлекательнѣе для насъ оказалось въ европейской цивилизаціи ея внѣшняя сторона, и мы начали съ нея. Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что мы начали съ хорошаго. Далѣе, читателю извѣстно, что школой цивилизаціи въ Россіи служило первоначально высшее сословіе, и что отъ него она переходила постепенно въ дальнѣйшіе слои народонаселенія. Перебираясь понемногу отъ слоя въ слой, цивилизація добралась наконецъ въ наше время до Тотьмы и сообщала тотемскимъ прожиточнымъ людямъ свой петровскій блескъ. Изъ этого тоже не слѣдуетъ, чтобы прожиточные заимствовали только хорошее. Отправляясь въ свое путешествіе далѣе, цивилизація дойдетъ наконецъ до бѣдныхъ мѣщанъ, а затѣмъ пойдетъ обходить и сельское населеніе. Но до этого еще очень далеко.

Въ то время, какъ цивилизація путешествовала по Россіи такимъ медленнымъ и торжественнымъ шагомъ, облачившись, по случаю нашихъ морозовъ, въ русскій кастантъ, съ цивилизаціей, странствовавшей въ то же время по Европѣ, случилось такого рода обстоятельство, что на многое она стала смотрѣть совсѣмъ иначе, чѣмъ смотрѣла прежде. Что въ глазахъ старой цивилизаціи, живущей въ настоящее время въ Тотьмѣ, было хорошо, то въ глазахъ новой—дурно. Новая цивилизація дошла наконецъ и до Россіи, отъ чего рядомъ появились новые люди; но и старая цивилизація тоже не оставляетъ сво-

его путешествуя и собирается учинить свой набѣгъ на бѣдныхъ мѣщанъ, dokonавъ, разумеется, сначала прожиточныхъ. Теперь вопросъ, слѣдуетъ ли старой цивилизаціи оказывать то же гостепримство, какое оказывалось ей до сихъ поръ, или же поступать съ нею менѣе галантерейно и спросить ее удалиться поскорѣе въ Коланъ и Хиву, а всѣ дороги открыть для цивилизаціи новой? Который изъ этихъ порядковъ выгоднѣе,—ясно и безъ всякихъ разсужденій, но дѣло только въ томъ, для всѣхъ ли это ясно?

Въ прожиточныхъ, не смотря на суетность и туеядство, которое поселила или, по крайней мѣрѣ, особенно развивала въ нихъ старая цивилизація, перешедшая изъ чиновничьяго и купеческаго слоевъ, есть еще много очень хорошаго. Это все то, чего прожиточные стыдятся и что они стараются прикрыть разными блестящими лоскутками, наряжаясь въ господъ. Прожиточные еще не совсѣмъ отвыкли отъ труда, и теперь не трудно будетъ сдѣлать изъ нихъ дѣйствительно почтенныхъ людей, стоитъ только отклонять ихъ дѣятельность отъ кружочковъ и направить ее на трудъ полезный, т. е. выгодный. На высшій мѣщанскій слой тѣмъ важнѣе обратить вниманіе, что отъ него, съ одной стороны, идетъ практическое воспитаніе въ народъ, а съ другой, поднимаются гаки на верхъ; изъ него являются ближайшіе кандидаты въ купечество; изъ него выходитъ почти весь торгующій и ремесленный людъ, т. е. такая громадная масса народа, обнимающая всѣ вѣтви экономической дѣятельности Россіи, отъ которой больше всего зависитъ тонъ нашей экономической жизни. Вотъ почему я сказалъ ранѣе, что туеядство женщинъ образованнаго сословія не такъ опасно, какъ туеядство прожиточныхъ мѣщанокъ, и вотъ почему я сказалъ, что быстрота нашего экономического развитія будетъ зависеть отъ того, пойдетъ ли цивилизація старымъ или новымъ порядкомъ. Если она пойдетъ путемъ старой постепенности и въ старой формѣ, то прожиточнымъ и всѣмъ остальнымъ мѣщанамъ придется повторить ошибки цивилизаціи нашихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей и дойти горькимъ опытомъ до убѣжденія, что хотя плоды этого дерева на видъ и заманчивы, а можетъ быть, даже и вкусны, но для экономического благосостоянія они вредны. Но кому выгодно, чтобы мѣщане дошли до такого убѣжденія своимъ личнымъ опытомъ? Не лучше ли предложить имъ прямо вкусные и здоровые плоды?—Если это такъ, то что же принесетъ нашимъ прекраснымъ мѣщанкамъ подобное

вкусное и здоровое кушанье, и кто приведет въ порядокъ головы мѣщанъ-мужчинъ? Сдѣлать это могутъ только люди такъ называемые образованные; а для этого имъ необходимо сдѣлаться дѣйствительно таковыми; но опять, чтобы имъ сдѣлаться таковыми, нужно, чтобы новая цивилизація заглянула поскорѣе въ провинцію.—Здѣсь юнымъ тотемскимъ читателямъ представляется удобный случай задать имъ такой вопросъ: что значить—у насъ нѣтъ цивилизаціи, мы люди необразованные?—Не торопитесь обвиненіемъ, мои многоуважаемые тотемскіе соотечественники; если в до сихъ поръ миновалъ счастливо подводную скалу, изображаемую вашимъ самолюбіемъ, то въ томъ короткомъ плаваньи, которое имъ осталось, я, конечно, безъ бури достигну берега. Для устраненія недоразумѣнія и чтобы не заставить радоваться напрасно своихъ враговъ, я прибавлю, что подъ короткимъ плаваньемъ я подразумеваю не плаванье въ жатейскомъ морѣ или свою близкую смерть, а конецъ этой статьи.

VIII.

ОБРАЗОВАННЫЕ.

По общепринятымъ понятіямъ, чтобы имѣть право считать себя образованнымъ, достаточно сморкаться въ носовой платокъ и носить платье нѣмецкаго фасона. Въ этомъ смыслѣ Тотъма, конечно, очень богата образованными людьми, если даже не считать въ нихъ члѣнъ прекрасныхъ мѣщанокъ, имѣющихъ привычку сморкаться въ передники. Но если требованье образованности поставить нѣсколько шире, то не спасетъ ни носовой платокъ, ни нѣмецкій фасонъ, и многимъ изъ образованныхъ придется разстаться съ этимъ драгоценнымъ для нихъ названіемъ.

Въ Тотъмѣ нѣтъ дворянства, а есть только чиновничество. Всѣхъ мужчинъ чиновнаго сословія считается 141 и женщинъ 175—итого: 316 или 9% общаго городскаго населенія. Мое предположеніе, конечно, не покажется никому смѣльнымъ, если я допущу, что всѣ эти 316 человекъ сморкаются въ носовые платки. Но есть болѣе несомнѣнные и очевидные признаки образованности высшаго тотемскаго сословія: въ Тотъмѣ существуетъ клубъ, гдѣ мужчины играютъ въ карты, а дамы танцуютъ, и съ нынѣшняго года устроилась при уѣздномъ училищѣ публичная бібліотека, выписывающая болѣе 20

разныхъ періодическихъ изданій. Кромѣ того, очень многіе выписываютъ газеты и журналы независимо отъ бібліотеки.

Если требовательный читатель пожелаетъ знать, въ какомъ видѣ и что именно изъ читаемаго понимается лучше всего тотемцами, то мнѣ придется сознаться, что мои свѣдѣнія по этому предмету весьма ограничены. Я знаю только, что при выписываніи журналовъ и газетъ публичной бібліотекой имѣлось въ виду удовлетворить, по возможности, разнообразному вкусу тотемскихъ обитателей, и если бы позволили средства, то вѣроятно были бы выписаны всѣ безъ исключенія русскія періодическія изданія. Изъ этого очевидно, что тотемскій умственный горизонтъ весьма широкъ, и что онъ находится въ непосредственной связи съ денежными средствами уѣзднаго училища.

При такой широтѣ умственнаго горизонта, мѣстными остроумцами же представлялось никакого труда сочинить про одного усерднаго чтеца «Голоса», что онъ, т. е. чтецъ, совершенно убѣжденный, что жондъ народовъ есть самый ужаснѣйшій человѣкъ, какого когда-либо создавалъ міръ, и что только, благодаря крайнимъ революціоннымъ наклонностямъ жонда, происходили въ Польшѣ всѣ послѣднія событія,—былъ очень доволенъ, когда наконецъ прочиталъ, что жондъ народовъ совершенно поконченъ. Только однимъ остался недоволенъ тотемскій политикъ, что до сихъ поръ онъ не можетъ найти, какимъ образомъ поступилъ съ жондомъ, — преданъ ли онъ казни или просто сосланъ въ Сибирь. Мнѣ кажется, что редакціи «Голоса» не слѣдовало бы оставлять въ подозрѣніи своего тотемскаго подписчика.

Предположивъ, что все чиновное сословіе Тотмы, по своему гражданскому положенію, можетъ и должно быть образованнымъ, я, на основаніи цифръ, найденныхъ въ вѣдомости о числѣ жителей (Памятн. кнж. Вологод. губ. на 1864 г.), показалъ число образованныхъ въ 316 человѣкъ. Но желая разобрать вопросъ подробнѣе, я посмотрѣлъ теперь въ другую графу и пришелъ въ смущеніе отъ своей поспѣшности. Въ этой второй графѣ сказано, что изъ числа тотемскихъ жителей училось:

Въ высшихъ заведеніяхъ: муж. 9, женщинъ 3.

— среднихъ — — 55, — 7.

— училищахъ — — 175, — 21.

муж. 239, женщинъ 31.

всего 270 человѣкъ или на 46 меньше противъ показаннаго въ

началь. Из списка эту цифру съ первой по началу, оказывается вотъ что:

Из первой цифръ въ числѣ 326 — мужчинъ 141 и женщинъ 175.
— второй: — — — — — мужчинъ 293 и женщинъ 31.

Слѣдовательно, въ числѣ образованныхъ мужчинъ, 152 не принадлежатъ къ чиновному сословию; а въ числѣ 175 женщинъ въ чиновнаго сословія, нигдѣ неучившихся—144. Чтобы не сдѣлать тотемскимъ чиновникамъ депрiатности слышкомъ смѣлой догадкой, что 58% изъ нихъ не знаютъ ровно ничего, я объясняю эту цифру тѣмъ, что изъ 175 женщинъ 144 находятся въ младенческомъ возрастѣ, ходятъ еще въ понталончикахъ, и что онѣ начнутъ учиться съ будущаго года. Конечно, я могъ бы разрѣшать этого вопросъ еще проще, обвинявъ въ ошибкѣ собирателя статистическихъ свѣдѣній, и на такое обвиненіе я имѣлъ бы тѣмъ больше права, что подъ рубрикою женщинъ, окончившихъ курсъ въ амплихъ учебныхъ заведенiяхъ, показано 3, когда въ дѣйствительности ихъ нѣтъ ни одной. Но именно эта ошибка и не позволяетъ мнѣ обвинить тотемскихъ статистиковъ. Если они обнаружили такую любезность, что сочинили трехъ женщинъ, учившихся, будто бы, въ университетѣ, то что бы стоило мнѣ показать 144 учившимися въ среднихъ или низшихъ заведенiяхъ? А какъ на такой смѣлый поступокъ у статистиковъ недостало рѣшимости, то и можно допустить только два предположенiя: или что 144—цифра вѣрная, или что она ниже, но ни въ какомъ случаѣ не выше дѣйствительной. Разумѣется, можно сдѣлать еще и третье предположеніе, что всѣ эти женщины получили домашнее воспитаніе, и, вѣроятно, это предположеніе было бы самое благопріятное для ученой репутаціи Тотмы.

Въ опроверженіе всего вышесказаннаго, 144 неучившіяся нигдѣ образованныя тотемскія женщины могли бы мнѣ возразить, что для правильнаго взгляда на жизнь и на свои обязанности вовсе не нужно учиться непременно въ Николаевскомъ или въ Патріотическомъ институтѣхъ; что есть много людей, окончившихъ курсъ въ университетахъ и въ лицейхъ, и, не смотря на то, неимѣющихъ въ головѣ ни зерна здраваго смысла и ни одной порошинки знанiя.— Это совершенно справедливо, и вотъ почему ни одинъ разсудительный человѣкъ не придаетъ никакой важности хвастливымъ возгласенiямъ уѣздныхъ статистиковъ, объявляющихъ съ гордостью, что въ ихъ городѣ обитаетъ столько или столько головъ, начи-

ненныхъ мудростью въ университетахъ. Но и это обстоятельство не говоритъ ничего въ пользу 144, неучившихся пидѣ, тотемскихъ женщинъ, потому что если нынѣшній президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и былъ въ молодости поденщикомъ—плотникомъ, то вѣдь онъ былъ плотникомъ въ Америкѣ, а не въ Тотмѣ; а если Ломоносовъ былъ рыбакомъ, то вѣдь и это былъ Ломоносовъ, а не тотемская чиновница. Поэтому, если коренные тотемскіе жительницы высшаго сословія получили домашнее воспитаніе, т. е. пользовались уроками окружающей ихъ жизни и природы, то, судя по тотемской жизни и природѣ, никакъ нельзя предположить, чтобы среди лѣсныхъ болотъ и при тридцатиградусномъ морозѣ могли бы развиваться вѣдь какіе нибудь благоухающіе цвѣтки. А если бы подобная игра природы и случилась, то въ тотемской атмосферѣ носилось бы, разумѣется, и благоуханіе этихъ рѣдкихъ цвѣтовъ, и ихъ бы кто нибудь видѣлъ.

Изъ того, что въ Тотмѣ, въ числѣ 3,500 жителей, считается мужчинъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ, только 64, а женщинъ 10, слѣдуетъ прежде всего, что образованные составляютъ только 2% всего городского населенія. Что же это, много или мало, хорошо или дурно?

До послѣдняго времени наши способнѣйшіе романисты изображали постоянно героевъ, страдавшихъ желаніемъ произвести непрѣлнню что нибудь хорошее и благотворное. Герой изнывалъ любовью къ людямъ; видѣлъ онъ, что вокругъ его все сиверно—и людская бѣдность, и людская глупость. Надрывалось его сердце и отъ погнувшейся или полуразвалившейся крестьянской лачуги, и отъ того, что мужикъ колотитъ бабу, и отъ того, что мужикъ и баба ѣдятъ, вмѣсто хлѣба, глину, и отъ деревенской нечистоты и грязи. И вотъ, герой—а герои бывали всегда богатые помѣщики,—отправлялся къ себѣ въ деревню и принимался дѣлать тамъ всевозможныя глупости, и, начудивъ, на сколько у него доставало силъ и денегъ, приходилъ наконецъ къ убѣжденію, что онъ смѣнитъ только православный міръ; что отъ его филантропическихъ чудодѣйствій избы не стали лучше, а въ избахъ темнѣе и свѣтлѣе; что мясо по прежнему—роскошь; что мужикъ по прежнему бьетъ бабу, а баба по прежнему думаетъ, что такъ и слѣдуетъ. Тогда разочарованный герой усаживался плотно, въ халатъ и съ трубкой въ зубахъ, на диванѣ, и въ такомъ мирномъ положеніи оставался уже до конца своихъ дней, не шевеля

пальцемъ; герой винилъ всѣхъ, кромѣ самого себя, нисколько не подозревая, что единственнымъ дуракомъ былъ онъ, а никто больше; герой обвинялъ простолюдина въ тугоуміи, не умѣя понять того, что простолюдинъ дѣйствовалъ по закону необходимости; что герою, прежде чѣмъ вступить въ борьбу съ этой необходимостью, нужно было протѣрить свои силы и идти противъ нея только при полной увѣренности въ побѣдѣ; что если онъ не сообразилъ этого раньше, то, вступивъ въ борьбу, ему отступать уже не слѣдовало, а слѣдовало бить лбомъ въ стѣну, пока не разобьется или стѣна, или его собственный лобъ. Конечно, бить лбомъ въ стѣну больно, но зачѣмъ же и приниматься за это дѣло съ слабымъ лбомъ? Между тѣмъ, только подобныхъ слабыхъ людей и изображали наши романисты-наблюдатели. Но значить ли это, что другихъ героев не было, или что романисты ихъ не подмѣтили? Я думаю первое. Но даже и для сочиненія такихъ кисло-сладкихъ героевъ, романисты выискивали лучшее, что имъ встрѣчалось, и изъ этого лучшаго лѣпили, какъ изъ глины, свои идеалы, своихъ совершенныхъ людей. Что же оставалось затѣмъ, если и изъ самаго пригоднаго выходила лишь манная каша и больше ничего? Не знаю, создавали ли романисты, что другихъ героев рисовать имъ и невозможно, или они только смутно помнили это; но во всякомъ случаѣ, никто изъ нихъ не погрѣшилъ противъ жизненной правды и не поподчивалъ пасты ни Самсонами, ни Голиафами; не увѣрялъ своихъ читателей, что въ архангельскихъ тундрахъ растутъ померанцевыя рощи. А герои, невидимому, были хороши! нравились они не только дѣвицамъ, но и дамамъ; мягкость сердечная героевъ была уму непостижимая, доброжелательство огромное, недоставало только одного — сообразительности и знанія жизни.

Но водился въ мірѣ и другой сортъ героевъ, — героевъ, не выдуманныхъ романистами, а дѣйствительныхъ; правда, герои эти жили не у насъ, но что же изъ этого? и Гуттенбергъ жилъ не у насъ, однако мы печатаемъ же книги. И у этихъ героевъ было громадное доброжелательство, и у нихъ было мало разсудительности и слабое знаніе жизни; и не смотря на то, человечество вписало ихъ имена въ списокъ гениевъ и великихъ людей. Случалось это просто потому, что они, принявшись разъ стучать лбомъ въ стѣну, стучали до конца, и за свое упорное стучанье прослыли у современниковъ гениальными безумцами. И гениальные безумцы дѣлали много глупостей и

говорили много вадорѣ, но она любила людей великой любовью, доходившей до мономаніи, а главное у нихъ было столько энергіи и нравственной силы, что даже ихъ ошибки имѣли мировое значеніе и были спасительны для человечества. Въ то время, какъ ниско-кладные герои больше красовались своими благотѣтельными тенденціями и любили дѣлать изъ нихъ для себя салонное украшеніе, очень плѣнительное въ глазахъ изящныхъ дѣвицъ и дамъ, въ то время, какъ разпородные маниловы, при всемъ своемъ доброжелательствѣ, никогда не забывали, что, помогая «мужицкой братіи», они сами все-таки «братъ старшая», и съ полнымъ сознаніемъ величія своей задачи собирались ошастливить десять мужиковъ, и затѣмъ, послѣ первой неудачи, съ не меньшимъ величіемъ погружались въ халатъ, чтобы съ презрѣніемъ смотрѣть на все человечество, неумѣвшее ихъ понять, — гениальные безумцы поступали совсѣмъ иначе. Это были люди желѣзные, настойчивости изумительной, дѣлавшіе свое дѣло не потому, что оно выходить очень красиво и плѣнительно для самолюбія, а потому, что уже у нихъ такой чугунный организмъ, что ему нужно непременно стучать въ стѣну. Имъ даже никогда и не представлялась мысль, выходить ли это красиво со стороны; ихъ дѣла не навѣялись имъ извнѣ, они не создали себѣ искусственную задачу подъ влияніемъ какого нибудь чувствительнаго романа, наполненнаго разными трогательными описаніями быта негровъ или подобныхъ имъ бѣдняковъ; они поступали такъ, какъ они поступали, потому что не могли поступить иначе и не могли бы жить безъ своего дѣла, навъ не могли бы жить безъ ѣды и питья.

Къ такимъ удивительнымъ организмамъ принадлежалъ, наприимѣръ, графъ Сель-Симонъ. Человѣкъ этотъ прокучиваетъ нарочно свое состояніе, чтобы сдѣлаться нищимъ, и сталъ имъ въ дѣйствительности. Для чего же понадобилось ему сдѣлаться непременно нищимъ? А только для того, чтобы изучить бѣдность въ самомъ ея источникѣ, а не изъ филантропическихъ салонныхъ разсужденій господъ, неимѣющихъ объ ней никакого понятія. Переходя систематически отъ одного состоянія къ другому, отъ благоухающихъ салоновъ въ вертены разврата, и изъ богатаго графа сдѣлавшись наконецъ простымъ переносчикомъ, и только этимъ трудомъ добывавшій себѣ средства существованія, Сель-Симонъ дѣлалъ это не для того, чтобы выйдти театральнымъ героемъ; онъ просто хотѣлъ узнать, что такое поддонки общества, отъ которыхъ отворачивались всѣ люди, вообра-

жающіе порядочными только себя; онъ хотѣлъ узнать, что такое бѣдность, что за люди бѣдные и откуда они берутся на свѣтъ; онъ хотѣлъ на самомъ себѣ выпестив и изучить всѣ постепенные переходы изъ одного общественнаго положенія въ другое, вѣсь разнообразныя слои, изъ которыхъ состоитъ французское общество. — Миттермаеръ поступаетъ нѣсколько иначе: онъ кричитъ прямо на весь свѣтъ, что оденочное заключеніе — превосходнѣйшая вещь, какую только способенъ выдумать человѣкъ; а самъ, хотѣ бы для шутки, сѣлъ на годъ въ целюларную темницу пенсильванской системы. Ну, какъ же послѣ этого Сентъ-Симонъ не чудакъ? Прокутить свое громадное состояніе, нѣсколько лѣтъ жить на жалостномъ чердакѣ, пытаться однимъ хлѣбомъ, превратиться изъ богатаго графа въ настоящаго голыша, жить съ людьми самыми грубыми, необразованными и развратными, и все это для того, чтобы узнать, чѣмъ и отчего страдаетъ человѣчество, и какъ устроить, чтобы впередъ люди не страдали; — совсѣмъ чудакъ! — маноманъ, безумецъ! Впрочемъ французы отличались всегда большимъ легкомысліемъ, что извѣстно въ Германіи каждому уличному мальчишкѣ; вѣроятно, отъ этого во Франціи и было нѣсколько чудаковъ, подобныхъ Сентъ-Симону. Но что удивительнѣе еще: даже между хладнокровными англичанами являлись подобные же безумцы.

Не знаю, были ли у насъ Сентъ-Симоны и имъ подобные господа, по крайней мѣрѣ; *Тургеневъ и другіе наблюдательные люди, специально-занимающіеся отыскиваніемъ разныхъ, изъ ряда выходящихъ чудаковъ, не оставили намъ никакихъ указаній объ ихъ существованіи; но я знаю то, что съ появленіемъ типа Базарова, составляющаго пока оионочное явленіе, расплодилось у насъ очень много героевъ прежняго времени, а еще больше героинь, весьма чувствительныхъ къ страданіямъ бѣднаго, возмущающихся всякой неправдой, оскорбительнымъ положеніемъ женщины, ея праздноствіемъ, экономической зависимостью, и говорящихъ объ этихъ предметахъ съ большимъ увлеченіемъ и вполнѣ искренно. Здѣсь случалось то же, что и съ тиномъ свѣтскаго человѣка временъ Петра перваго. Свѣтскихъ дѣвицъ собиралось на ассамблеи Петра мало, и только самыя передовыя и наиболѣе прогрессивныя отличались качествомъ свѣтскости; а пылье всякая прожиточная мѣщанка сдѣлала бы честь своимъ вкусомъ и манерами любой аристократической ассамблеѣ начала XVIII столѣтія. — Но мѣрѣ того, какъ является высшее развитіе, прежній высшій уровень падаетъ и обнимаетъ большее число

лицъ: при Петръ было, можетъ быть, не болѣе двухсотъ свѣтскихъ дѣвицъ, а нынче такихъ насчитается, конечно, болѣе двухсотъ тысячъ. Когда явился Базаровъ, всѣ прогрессивные люди получали тяготѣніе именно къ этому передовому типу, а прежніе Лавренкіе, Рудныи и, какъ они тамъ называются, всякіе другіе болтуны сдѣлались идеалами людей съ способностями второго сорта. Явится типъ болѣе высокій, чѣмъ Базаровъ, опять прогрессивные люди кинутся къ нему; тогда Базаровъ отойдетъ на второй планъ, а Рудныи станутъ еще ниже и, вѣсто прежняго перваго, займутъ третье мѣсто и т. д. Теперь Базаровъ, пора, столичный типъ; только въ самомъ центрѣ нашей умственной дѣятельности существуютъ матеріалы, вырабатывающіе его въ самомъ чистомъ химическомъ видѣ; въ провинціи всегда уже есть разныя другія подмысы, дѣлающія изъ Базарова переходъ къ второсортнымъ типамъ. Но за то провинціи служатъ теперь лучшей лабораторіей для изготовленія господъ и господжъ, разсуждающихъ съ красиво-сложенными руками объ общественныхъ вопросахъ, о людскихъ добродѣтеляхъ, о страданіяхъ человечества, о необходимости жить личнымъ трудомъ, о независимомъ экономическомъ положеніи и зависящей отъ него личной свободѣ и т. п. высокихъ матеріалахъ. Въ то время, какъ прежде занимались болтовней только одни самые передовые люди, а слѣдующіе за ними находились въ состояніи умственной спячки, — теперь первые принялись учиться и трудиться, а вторые, воспринувъ отъ сна и приведенные въ изумленіе новостью положенія, вступили въ пріятные разговоры. Если изъ поведѣльника нельзя перескочить прямо въ среду, то разумѣется, это переходъ во вторникъ. Такимъ образомъ, чтобы сказать хорошо или дурно, если въ какомъ нибудь городѣ находится 2% образованныхъ людей, нужно знать, какая именно образованность обитаетъ въ ихъ головахъ, давно ли люди проснулись и сколько у нихъ энергій.

По отношенію къ 74 образованнымъ людямъ г. Тотмы, вопросъ этотъ нѣсколько щекотливаго свойства; впрочемъ, я полагаю, что все въ городѣ и его окрестностяхъ будетъ обстоять благополучно, если я скажу, что ни въ статистическихъ, ни въ историческихъ данныхъ не существуетъ никакихъ указаній, чтобы въ Тотмѣ когда-либо прежде или нынче проживалъ Сень-Симонъ. И конечно, слава Богу! а иначе, что бы стало съ мѣстной городской тишиной и безлюдностью, и съ безмятежными покоемъ почтенныхъ тотемскихъ обитателей? Впрочемъ я слышалъ, какъ нѣкоторые фосо-

бы — я нарочно выражаюсь такъ, чтобы нельзя было узнать, говорю ли я о мужчинахъ или женщинахъ, — признававшія, что тамбурины вязанья не приносятъ человѣчеству особенной экономической пользы, ставили слѣдующій, весьма рѣшительный вопросъ: «что же намъ дѣлать?» и затѣмъ немедленно порѣшали его сами, принимаясь еще съ большимъ усердіемъ за тамбурную иглоку. Каждый разсудительный человѣкъ согласится, что по семидесяти семи разными причинами болѣе благоразумнаго отвѣта и быть не могло. И въ самомъ дѣлѣ, что же дѣлать, когда для этого нужно еще встать со стула?

Наконецъ, я полагаю, что для Тотмы совсѣмъ не зачѣмъ разрѣшать какия-либо міровыя задачи. Было бы проще и туземнѣе, если бы явились какю-либо пять шесть предпріимчивыхъ людей и научили бы мѣстныхъ обитателей шевелить руками болѣе выгоднымъ образомъ, чѣмъ это дѣлается ими теперь. Вообще, у мѣстныхъ обитателей существуетъ о трудѣ самое своеобразное понятіе. Когда какую нибудь Пеналопу спросить, что же вы ничего не дѣлаете? то получается всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: а что же намъ дѣлать? Вообще мѣстные обитатели полагаютъ, что дѣлать ничего не слѣдуетъ; а если и слѣдуетъ, такъ только въ томъ случаѣ, когда заважутъ какую-либо работу или прикажутъ дѣлать; самъ же человѣкъ, своимъ умомъ, придумывать ничего не обязанъ. Я не знаю, какъ смотритъ на этотъ предметъ мѣстная умственная аристократія; но если она и смотритъ на него правильно, то все таки ни изъ чего не видно, чтобы она поступала сообразно тому, какъ она разсуждаетъ. А между тѣмъ, подъ рукой есть все, что нужно для успешнаго труда и для возвышенія мѣстнаго матеріальнаго благосостоянія; нѣтъ только одного — энергіи, силы, которая бы сдвинула людей съ мѣста и привела бы ихъ въ болѣе выгодное, чѣмъ нынче, экономическое движеніе. Но съ другой стороны, что за поспѣшность, ужъ будто такъ загорѣлось, что Тотмѣ понадобилось непременно завтра сдѣлаться губерскимъ городомъ? Пребывали мы долго въ мирномъ покоѣ: — побудемъ еще и подождемъ, пока, вмѣсто 74 людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ, будутъ у насъ 740; когда другіе уступятъ намъ разныя промышленныя предпріятія, да проведутъ намъ желѣзныя дороги, да придутъ въ намъ издалека люди и толкнутъ насъ подъ бока, и скажутъ: почтенные тетомцы, вставайте — пора! ..